

Враг будет разбит,
победа будет за нами!

Суть времени

Подписаться на газету можно в ближайшей местной ячейке Движения «Суть времени». Задать вопросы и узнать контакт ближайшей местной ячейки Движения можно по телефону 8-800-100-97-24 (звонок бесплатный), podpiska@eot.su

Оглавление

Колонка главного редактора	4
О коммунизме и марксизме — 24	5
Метафизическая война	24
Судьба гуманизма в XXI столетии	25

ОГЛАВЛЕНИЕ	2
Экономическая война	55
Новый раунд глобальной нефтяной игры. Часть III	56
Классическая война	71
Русский героизм. Потешные войска	72
Социальная война	88
Горькая пилюля лекарственного страхова- ния	89
Война с историей	103
Лики примирения — 3	104

<i>ОГЛАВЛЕНИЕ</i>	3
Диффузные сепаратистские войны	119
О новом этапе войны России с международным терроризмом	120
Культурная война	134
Десоветизация живописи. Часть II	135

Колонка главного редактора

О коммунизме и марксизме — 24

Любая настоящая традиция должна тянуться к своему мифу на предельную глубину. Ну так куда же глубже, чем Прометей? Если вы обрываете это как свою идеальную собственность, как свой идеальный капитал, то вы неуязвимы. А значит, непобедимы

Прометей и орёл. Древнегреческая вазовая роспись

Я далеко не убеждён, что все читатели газеты «Суть времени» и даже все те, кто внимательно читает данное моё сочинение, страстно хотят понять, что за судьбоносная марксистско-коммунистическая проблематика была не раскрыта (а честно говоря — уни-

чтожена) в том, что именовалось советским марксизмом-ленинизмом (включавшим, если кто не помнит, историю КПСС, истмат и диамат, а также так называемый научный коммунизм).

Возможно, многие читатели газеты, в том числе и те, кто следит за развитием мысли в этом моём сочинении, относятся к судьбоносной нераскрытой марксистско-коммунистической проблематике как к одному из важнейших вопросов современности. И интересуются этим вопросом наряду с другими. Возможно, кто-то из них даже считает, что другие жгучие вопросы современности, например эксцессы в Сирии и на Ближнем Востоке в целом, важнее, чем исследования этой самой... нераскрытой... марксистско-коммунистической... и так далее.

Но я твёрдо знаю, что в числе читателей газеты «Суть времени» есть те, кому, что называется, до зарезу важно понять, в чём состоит эта нераскрытая судьбоносная марксистско-коммунистическая проблематика. Те, кому

ни одна другая проблема современного мира не представляется столь же важной, как эта. Подчеркну ещё раз, что под «этой» проблемой я имею в виду проблему нераскрытой **классической** марксистско-коммунистической проблематики. То есть такой проблематики, которая очевидным образом исходит именно от классиков марксизма-ленинизма, а не от каких-то там инноваторов, стремившихся как-то по-своему эту проблематику развивать.

Для таких людей неважно, куда именно развивают эту проблематику Эрих Фромм, фрейдомарксисты, неомарксисты или какой-нибудь Кургиян. Им важно, что же осталось не раскрыто в наследии самого Маркса и его ближайших сподвижников. Что в этом наследии не выявлено, недосказано. Причём им важно, чтобы это невыявленное и недосказанное было очевидным образом связано с возможностью достроить красный проект. Чтобы именно невыявленность и недосказанность чего-то такого и при

этом безусловно классического определила очевидную и трагическую для них катастрофу красного советского проекта. И чтобы тем самым обнаружение этого невыявленного и недосказанного, его введение в новый красный проект позволяло а) рассчитывать на победу этого красного проекта 2.0 и б) на то, что в случае победы этот «проект 2.0» не рухнет так же, как его предшественник, великий красный советский проект 1.0.

Сообщаю таким людям, являющимся частью читателей данного исследования, что именно сейчас, в 24-м его фрагменте, я готов дать предельно внятный ответ на вопрос о том, что именно классического, по-настоящему марксистско-ленинского оказалось не выявлено и не раскрыто в советском марксизме-ленинизме того образца, который я уже описал выше.

Для того чтобы эти «интересанты», а также все читатели, которые готовы к ним подключиться, предельно сфокусировались на тех ключевых моментах, которые я готов сформулировать толь-

ко сейчас, буду использовать все средства, включая крупные шрифты, подчёркивающие особую важность тех или иных положений.

Невыявленными и нераскрытыми оказались три ключевых вопроса.

Один из них — суперважный. А два других — очень важные.

Первый, суперважный вопрос — определение аутентичной классической марксистско-коммунистической ТРАДИЦИИ. Тра-ди-ции, понимаете!

ТРА-ДИ-ЦИ-И!!!

Если этой традиции нет, если она не выявлена, не раскрыта, если она не тянется от Маркса к глубочайшим истокам, то нет и марксизма как такого учения, на которое можно опираться не только интеллектуально или эмоционально, но и духовно. Мы же знаем, что учение, на которое можно опереться интеллектуально и эмоционально, имелось. Что это учение Маркса (или Маркса–Ленина, или Маркса–Ленина–Сталина)

звало на бой, порождало высочайший подъём, обеспечивало высочайшую трудовую эффективность, порождало потрясающие подвиги, рождало невероятную жертвенность.

Это касается и Великой Отечественной войны, и многого другого. Не было бы ни победы в Гражданской войне, ни спасения государственности от мировых сил империализма (империализма германского, империализма Антанты), ни преодоления разрухи, возникшей после Первой мировой и Гражданской войн, ни триумфа советских пятилеток, ни блистательного восстановления страны после Отечественной войны, ни великих советских свершений постсталинской эпохи, включая завоевание космоса.

Значит, в учении, которое мы обсуждаем, — в его классическом, подчеркну ещё раз, каноническом варианте — были и эмоциональность, и интеллектуальность. И не надо их искать заново, они уже есть. Их можно модифицировать, но их не надо разыскивать и извлекать из-под ру-

ин, созданных позорным крахом великого советского проекта.

Итак, два ценнейших слагаемых — интеллектуальное и эмоциональное — были. А третьего наиценнейшего и наинеобходимейшего — собственно духовного — не было. А это собственно духовное слагаемое полностью задаётся только одним — **ПОЛНОЦЕННОЙ ТРАДИЦИЕЙ. ТРАДИЦИЕЙ** — понимаете?

Если не понимаете, напрягитесь, потому что только это важно понять. **ТОЛЬКО ЭТО**. И ради понимания этого предпринято всё это исследование. Почему мы имеем право утверждать, что проблема традиции в советском марксистско-ленинском коммунизме да и в марксистской классике как таковой была катастрофически и, я бы даже сказал, ужасающе по своим последствиям и своему масштабу замылена? И кем она была замылена таким образом? Легче всего сослаться на педагогов, преподававших марксизм-ленинизм, начётчиков типа М. А. Суслова (глав-

ного идеолога эпохи застоя) и так далее. Но на самом деле решающий вклад в замыливание настоящей марксистско-коммунистической традиции внёс товарищ Ленин. И не признав этого, мы ни с чем не разберёмся. Мы будем по-прежнему блуждать в потёмках.

Хочу добавить к сказанному несколько принципиально важных утверждений.

Первое. Для меня Ленин — фигура ничуть не менее важная, чем Маркс. Я восхищаюсь им даже больше, чем Марксом. Я считаю, что без Ленина и его грандиозных свершений Маркс остался бы продолжателем и революционным преобразователем дела Гегеля, но не более того. То есть всего лишь тем философом, о которых он высказывался с предельным пренебрежением («Философы лишь различным образом объясняли мир; но дело заключается в том, чтобы изменить его»). То есть, конечно, Маркс — это единственный философ среди создателей марксизма-ленинизма. И это очень важно. Не был бы Маркс

настоящим, сущностным философом — не было бы ни его учения, ни его проекта. Но одно дело — насколько важно быть настоящим философом, а другое — насколько страшно быть ТОЛЬКО таким философом. Ленин спас Маркса от унижительной роли «только философа». Ленин создал марксистско-ленинский проект. Ленин — великий мыслитель. Ленин — великий практик. Ленин демонстрирует единство мысли и практики — то есть редчайший случай наличия проективного, и именно проективного мышления, причём проективного мышления, фантастического по своему масштабу и глубине.

Всё это так. Но Ленин в ряде своих работ и прежде всего — в своей статье «Карл Маркс» дал абсолютно ёмкое и абсолютно бесперспективное определение марксистской традиции. Закреплённое авторитетом Ленина, это определение стало каноническим. И полностью перекрыло собой острейшую проблему выявления подлинной марксистско-коммунистической тра-

диции.

Второе. Не только Ленина, но и Маркса не интересовал вопрос о подлинной марксистско-коммунистической традиции. Той самой, которую мы имеем право, как это ни странно, называть именно марксистско-ленинской. Но Маркс имел право этой традицией не интересоваться.

А разве она очень интересовала Моисея? А также Христа или Магомета? Или Будду? Никто из создателей нового учения никогда слиш-ком не заморочен размышлениями по поводу его традиции. А уж если учение претендует на научный характер, то вопрос о его традиции тем более несущественен для того, кто это учение создаёт.

Третье. Энгельса и других настоящая марксистско-коммунистическая традиция тоже не интересовала. А разве она интересовала апостолов? Их интересовало ознакомление с учением максимально широких масс.

Четвёртое. А вот Ленина и его последова-

телей марксистско-коммунистическая традиция должна была волновать. Как должна она волновать тех, кто закладывает глубокие основы разного рода проектов, претендующих на устройство сверхдержав (таких, как СССР) и на переустройство мира. И вот тут-то каким-то коварным образом всё перекрыли определения, данные в статье «Карл Маркс», а также в ряде других ленинских работ.

По ходу дела обращаю внимание читателя на то, что в своей статье «Три источника и три составных части марксизма», написанной к 30-летию со дня смерти Карла Маркса и опубликованной в журнале «Просвещение» № 3 за 1913 год, Ленин констатирует величайшую ненависть классового и научного истеблишмента к марксизму. И вытекающее из этой ненависти желание этого истеблишмента представить марксизм как *«нечто вроде «вредной секты»*. Товарищи су-тевцы и другие читатели газеты! Вам этот тезис о вредной секте ничего не напоминает?

Ну, а теперь — о главном. Ленин начал писать свою столь много определившую статью «Карл Маркс» для энциклопедического словаря товарищества братьев Гранат весной 1914 года в деревне Поронин (Галиция). Он закончил эту статью в ноябре 1914 года в городе Берне (Швейцария).

4(17) ноября 1914 года Ленин пишет в редакцию изданий Гранат: *«Сегодня я отправил Вам заказной бандеролью статью для словаря о Марксе и марксизме. Не мне судить, насколько мне удалось решить трудную задачу втиснуть изложение в рамки 75 тысяч букв или около того. Замечу, что литературу приходилось усиленно сжимать... <...> Трудно было решиться отказать от многих цитат из Маркса... Читатели словаря должны иметь под рукой все важнейшие заявления Маркса, иначе цель словаря была бы не достигнута: так мне казалось».*

Статья «Карл Маркс» с большими цензурными изъятиями была напечатана в 1915 году. По-

том она была напечатана — уже без изъятий — отдельной брошюрой в 1918-м. Ленин тогда написал небольшое предисловие. Полный текст статьи был опубликован по ленинской рукописи уже после смерти Ленина в 1925 году.

В 1959 году был опубликован план статьи «Карл Маркс», составленный Лениным в марте-июле 1914 года.

Уже интересно, не правда ли? Не знаю, как для вас, но для меня опубликование полного текста данной статьи в первый раз уже после смерти Ленина представляется существенным. И всё же наиболее существенно содержание статьи, с невероятной ретивостью взятой на вооружение марксистско-ленинской советской ортодоксией.

Я уже познакомил читателя в предыдущем номере с тем, как именно Ленин определяет марксистскую традицию. Напоминаю: *«Маркс явился продолжателем и гениальным завершителем трёх главных идейных течений XIX века, принадлежащих трём наиболее передовым*

странам человечества». И что первое из этих течений — классическая немецкая философия, второе — классическая английская политическая экономия, и третье — французский социализм в связи с французскими революционными учениями вообще.

А теперь давайте вместе задумаемся.

Первое слагаемое марксистско-коммунистической традиции (оно же — идейное течение, которое Маркс подхватывает и завершает) — немецкая классическая философия.

Вопрос № 1 — какая немецкая классическая философия? Она ведь очень разная. Немецкая классическая философия — это Кант и это Гегель. От Канта тянется одна нитка, от Гегеля — другая.

Мы понимаем, что речь идёт о Гегеле. Но какая традиция тянется от Гегеля? Ведь не замыкается же никакая традиция на XIX веке. Читатель, тебе это понятно или нет? Традиция идёт на глубину. Она осознаётся только в этом движении на предельную глубину, понимаешь? И только

при таком движении она выдаёт духовную, ещё раз подчеркну, не интеллектуальную, не эмоциональную, а духовную энергетику. Ну и как же тянуть на глубину? От Гегеля — к кому? По какой линии? По диалектической, по материалистической? И всё равно — на какую глубину дотянешь, даже если скажешь, что речь идёт о противоборстве линий Платона и Демокрита? (Напоминаю читателю, что об этих двух линиях было сказано Лениным и в работе «Материализм и эмпириокритицизм», и в «Философских тетрадах».)

Но эти отсылки, во-первых, опять же недостаточны (настоящая традиция не на философах должна замыкаться, а на мифе).

А, во-вторых, если речь идёт о немецкой классической философии Гегеля, то её истоки — уж никак не у Демокрита. А вообще-то говоря, они уходят в древний индуизм, что сам Гегель прекрасно понимал, и с чем Маркс осознанно или неосознанно боролся, преодолевая Гегеля, а не развивая его традицию. Если это Фейербах,

то всё совсем непонятно. Куда уходит эта традиция, и так ли велик Фейербах, чтобы от него тянуть нить традиции?

То же самое с остальными вопросами. Английская политическая экономия очень разная. От неё нити тянутся в разные стороны. И так далее.

Так где традиция марксизма и коммунизма? Кто из классиков, из тех, кто был близок Марксу не меньше, чем Энгельс, кого чтит Ленин, что-нибудь сказал об этой традиции?

Конечно, это Лафарг. Он и только он. Никакого Луначарского и уж тем более Богданова или Горького вы в этот ряд не поставите. А Лафарга — не сможете не поставить. А он о чём говорит? О том, что традиция тянется от Маркса к Прометею, то есть на предельную глубину. Понимая это, Галина Серебрякова называет свой трёхтомник о Марксе «Прометей». Но Галина Се-

ребрякова — а) писатель и б) уж никак не классик марксизма-ленинизма. Она решается как-то засветить то, что заявлено Лафаргом и подавлено в советском марксизме-ленинизме. Прометеевское начало, являющееся настоящей традицией. Потому что любая настоящая традиция должна тянуться к своему мифу на предельную глубину. Ну так куда же глубже, чем Прометей?

А если разматывать нитку назад, то возникнут определённые этапы, определённые вехи. На каждом этапе, у каждой вехи будут свои обогащения, своя дополнительная энергетизация. Если вы обретаёте это как свою идеальную собственность, как свой идеальный капитал, то вы неуязвимы. А значит, непобедимы. Для того, чтобы вы стали уязвимы и победимы, у вас этот идеальный капитал надо изъять. Ну так его и изъяли! Воспользовавшись некоторыми определениями Ленина, который: а) боялся обвинений в сектантстве; б) вовсе не хотел тянуть традицию на глубину; в) был настроен (по крайней мере, до опре-

делённого времени) очень рационально, в духе той классической научности, для которой развитие традиции на предельную глубину, определение всего масштаба традиции не имело решающего значения. Зачем, к примеру, такой науке исследовать традиции, тянущиеся от Ньютона или Гёте? Ей нужны формулы, открытия. Они для неё самозначимы, а определение традиции... Нет, его даже не игнорируют, им пренебрегают. Да, есть какая-то история науки. Но не она имеет решающее значение. Наука вообще смотрит вперёд. Как и утопия. Вопрос о традициях становится важен в определённой ситуации и в определённом контексте. Для Ленина не было ни ситуации, ни контекста, и этим воспользовались.

(Продолжение следует.)

Сергей Кургинян

Метафизическая война

Судьба гуманизма в XXI столетии

Французы как самые истинные католики сопротивлялись экспансии испанцев как самых истинных католиков. А почему бы, собственно, им было не образовать универсалистскую империю, объединённую великой католической идеей?

Первый Гётеанум, построенный по проекту
Рудольфа Штайнера

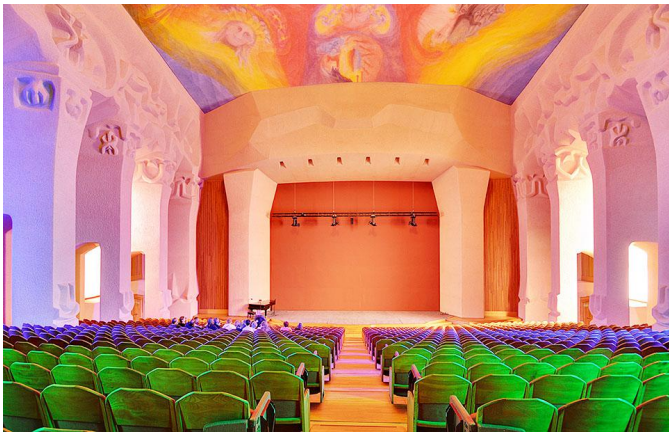
Рудольф Штайнер, 1908 г.

Анни Безант, 1897 г.

Второй Гётеанум, построенный по проекту
Рудольфа Штайнера

Театральный зал во втором Гётеануме

Я сознательно не утомляю читателя отсылками к разного рода некачественным или даже среднекачественным источникам, в которых проблеме соотношения души и духа навязывается та или иная узкоидеологическая трактовка.

К сожалению, таких произведений более чем достаточно. И их влияние на политическую эзотерику весьма существенно. Под политической эзо-

терикой я подразумеваю не «эзотерику вообще», то есть не некие сведения о сокровенных высших смыслах, приобщать к которым можно только специально подготовленных для этого людей. «Эзотерика вообще» имеет право на существование. Нет ни одной религии, в которой не существовало бы эзотерики или даже нескольких эзотерик. Как я уже показал в предыдущих частях данного исследования, без эзотерики очень трудно сопрягать универсальную религию с теми или иными макрообщностями, выступающими от имени этой религии.

Например, Франция и Испания воевали в Средние века с поразительным упорством. При этом и та, и другая страна, а также народы, населяющие эти страны, выступали от имени католицизма. Франция была накаленно католической страной до того, как в ней появились гугеноты. А воевала она с Испанией и в этот, скажем так, «догугенотский» период.

То есть период, когда ещё не было на-

стоящего, полноценного, яростно накалённого и политически оформленного раскола Франции по принципу, который, по моему мнению, вполне допустимо именовать «субконфессиональным», а не «межконфессиональным». В самом деле: и французские гугеноты, и французские католики принадлежат к одной христианской конфессии, а значит, межконфессионального конфликта, по определению, быть не может. А раз так, то этот конфликт внутриконфессионален, а значит, субконфессионален.

Итак, ещё до того, как такой субконфессиональный конфликт стал определять французскую жизнь, французы как самые истинные католики сопротивлялись экспансии испанцев как самых истинных католиков. А почему бы, собственно, им было не образовать универсалистскую империю, объединённую великой католической идеей? Ведь именно на этом настаивали испанцы, апеллируя к тому, что они создают не велико-испанское государство, а Священную Римскую,

то есть универсалистско-католическую державу.

И ведь они её создавали! А Франция сопротивлялась вхождению в неё. Почему?

Потому что народное и государственное начало имело для неё ничуть не меньшее значение, чем начало универсалистско-конфессиональное. Но, не имея возможности, да и желания отречься от согревающего её конфессионального католического огня, Франция должна была найти довод, позволявший ей утверждать, что объединение, навязываемое ей Испанией, неприемлемо. Прошло много веков, и Франция вошла в Европу, которая в существенной степени контролируется не потерявшей влияние Испанией, и ещё — менее дружественной Франции и далёкой от неё по духу Германией. Но это произошло в эпоху, когда Франция отказалась от католицизма как главной и обязательной для каждого духовной скрепы.

Что касается той эпохи, которую я сейчас начал рассматривать, и в которую обязательность

католической духовной скрепы была для Франции, в общем-то, очевидна (не было бы этой очевидности, не произошла бы Варфоломеева ночь), Франция как-то должна была соединить французскую и католическую идентичность. А это в принципе невозможно без эзотерики.

Я вкратце вернулся к уже обсуждённой мною роли эзотерики в формировании религиозно-народных идентичностей только потому, что необходимо провести грань между такими эзотериками и всем тем, что я назвал «эзотериками собственно политическими». И, к сожалению, провести такую грань можно, только рассмотрев примеры собственно политических эзотериков.

Австрийский философ, учёный, оккультист и эзотерик (а также ясновидящий, мистик и так далее) Рудольф Штайнер (родился 27 февраля 1861 года, умер 30 марта 1925 года) страстно занимался исследованием наследия Гёте и его теории познания. Мне важно обратить внимание читателей на это обстоятельство потому, что мы,

странствуя по почти необъятному смысловому пространству, никак не желаем терять из виду Гёте вообще и его «Фауста» в особенности.

Так вот, у Гёте было два особо страстных почитателя, оказавших гигантское влияние на смысловую среду западного мира в конце XIX – начале XX века. Это Рудольф Штайнер, которого я уже отрекомендовал читателю, и выдающийся психоаналитик Карл Густав Юнг (родился 26 июля 1875, умер 6 июня 1961 года). Юнга, считавшего себя и инкарнацией Гёте (то есть человеком, в которого вселилась душа умершего Гёте), и родственником Гёте (Юнг проделал большую работу для того, чтобы это доказать), обсудим несколько позже.

Теперь о Штайнере. О нём как о выдающейся личности и о нём как об одном из самых влиятельных продолжателей фаустианского дела Гёте, которое нас особо интересует.

Штайнер родился в семье со скромным достатком, которая предпринимала чрезвычайные

усилия для того, чтобы выдающийся ребёнок получил достойное его способностей образование. Семья Штайнера переезжала с места на место, подчиняя свои интересы возможностям дать нужное образование молодому Рудольфу. В 1879 году семья переехала в один из районов Вены с тем, чтобы Рудольф смог за счёт академической стипендии учиться в Венском техническом университете.

Рудольф, чьи интересы уже тогда были чрезвычайно широки, изучал в Венском техническом университете и естественные науки (математику, физику, химию), и науки с медицинским уклоном типа биологии, и гуманитарные науки (литературу и философию). Рудольф Штайнер учился в Венском техническом университете с 1879 по 1883 год. Он был настолько блистательным студентом, что один из его учителей стал влиять на профессиональное будущее Рудольфа. И повлиял на это будущее весьма определённым образом. Учителя Рудольфа звали Карл Юлиус Шреэр. Он был ав-

торитетен в австрийских научных кругах. Одним из тех, кто ориентировался на Шреэра, был некий Йозеф Кюршнер, молодой немецкий историк литературы, стремившийся к описанию всей системы, созданной его кумиром Гёте.

Если бы Кюршнер ограничивался только литературным творчеством Гёте, то ему не понадобились бы ни советы Шреэра, ни помощь Штайнера. Но Кюршнер был очень амбициозен. В силу этого он начал рассматривать внелитературные аспекты системы Гёте, которые ему, гуманистарию, были не по зубам. В частности, Кюршнер вознамерился доказать, что его кумир Гёте, вступивший в ожесточённейшую полемику по вопросу о физической теории цвета с самим сэром Исааком Ньютоном, был прав, а великий Ньютон — в отличие от Гёте бывший физиком, а не автором «Фауста» и т. д. — был неправ.

Кюршнеру понадобился, как бы мы сейчас сказали, дипломированный эксперт, способный поддержать его позицию и обладающий полно-

ценным физическим образованием. Кюршнер, ориентировавшийся на Шреэра во всём, что касалось творчества Гёте, попросил Шреэра найти такого эксперта. Шреэр порекомендовал Кюршнеру совсем молодого Штайнера. Кюршнер сначала рассердился на то, что ему предлагают недоучившегося студента, но, поговорив со Штайнером, согласился принять его на работу. Так Штайнер начал заниматься Гёте.

В 1891 году Штайнер в возрасте 30-ти лет получил степень доктора философии. Темой его диссертации была концепция «Я» у Фихте.

Казалось бы, научная карьера обеспечена, и остаётся только идти по проторённому пути. Но не тут-то было.

Дело в том, что Штайнер ещё в раннем детстве, когда ему не было девяти лет, испытал некий особый опыт, который обычно именуют духовным. Штайнер вдруг вступил в контакт с духом своей тёти, которая умерла далеко от места, где находился маленький Рудольф. Тётя просила

Рудольфа о помощи. Ни Рудольф, ни родственники о смерти тёти не знали. Затем, будучи уже студентом, Штайнер встретился с продвинутым, как говорят в таких случаях, духовным проводником. Это был некий сборщик трав Феликс Когуцкий. Считается (так, по крайней мере, утверждали и сам Штайнер, и близкие ему люди), что Когуцкий, во-первых, обратил внимание Штайнера на особую систему Гёте. И, во-вторых, представил Штайнера некоему «Мастеру», который оказал решающее влияние на сферу интересов Штайнера. В частности, этот «Мастер» ориентировал молодого Штайнера на изучение философии Фихте. Но «Мастер» этим не ограничился. Он как бы вёл Штайнера по жизни. Такова, повторяю, версия и самого Штайнера, и близких к нему людей.

Соответственно, Штайнеру было мало занятий философией как таковой. Его амбиции или понимание им его миссии шли дальше и были прочно связаны с гётевской системой. Начав профессионально заниматься Гёте у Кюршнера,

Штайнер проявил себя с лучшей стороны и в 1888 году был приглашён на работу в качестве служащего Архива Гёте в Веймаре. А это было очень серьёзное место, предоставлявшее огромные возможности тому, кто действительно хотел заниматься системой Гёте.

Штайнер страстно хотел заниматься этой системой. Он был служащим архива Гёте в течение девяти лет, вплоть до 1897 года. За эти девять лет Штайнер написал две важнейшие книги по философии Гёте. Одна из книг, написанная в 1886 году, называлась «Основные линии теории познания мировоззрения Гёте». В этой книге с «заковыристым» названием Штайнер обращал особое внимание на связь Гёте и Шиллера.

Вторая книга Штайнера о Гёте, написанная в рассматриваемый «архивный период», была написана в 1897 году. Она называлась «Мировоззрение Гёте».

Параллельно с написанием этих двух книг, а также множества статей и работой в архи-

вах Штайнер кропотливо писал свою первую самостоятельную книгу — «Философию свободы». Она вышла в 1894 году.

В 1896 году к Штайнеру обратилась сестра Фридриха Ницше Элизабет. Она попросила Штайнера помочь организовать архив Фридриха Ницше. Сам Фридрих Ницше к этому моменту был в коме. Штайнер посетил философа и был потрясён специфической продуктивностью того особого состояния, в котором он находился и которое другие именовали безумием.

Штайнер назвал уже обсуждённые мною в данном исследовании идеи Ницше о вечном возвращении и сверхчеловеке абсолютно необходимыми для разрыва с некими предрассудками XIX века, мешающими развитию человека и человечества. В 1897 году Штайнер переехал из Веймара в Берлин и стал совладельцем, главным редактором и активным сотрудником некоего литературного журнала. Для консервативного Берлина Штайнер оказался чересчур раско-

ванным и чересчур левым. Так что вскоре ему пришлось уйти из журнала.

А теперь переходим к главному. В 1899 году Штайнер опубликовал статью «Фауст» раскрывает свойственный Гёте метод». Эту статью Штайнер посвятил раскрытию эзотерической природы сказки Гёте «О зелёной змее и прекрасной лилии». Эзотерическое прочтение этой сказки привело в восхищение эзотериков, входивших в Теософское общество, возглавлявшееся Анни Безант (родилась 1 октября 1847 года, умерла 20 сентября 1933 года). Анни была активным членом Фабианского общества, марксистской социал-демократической федерации, близкой подругой известной Елены Блаватской, зародившей у Анни интерес к теософии, организатором масонского ордена, президентом этого самого Теософского общества, занятого современным прочтением индуизма, и даже участником, а потом и президентом знаменитой индийской партии Индийский национальный конгресс.

Анни Безант и её соратники, такие, как Чарльз Уэбстер Ледбитер, один из создателей Либеральной католической церкви (1854–1934), пропагандировали некоего Джидду Кришнамурти (1895–1986), индийского философа и визионера. Безант и Ко провозгласили Кришнамурти новым мессией. И построили свою теософскую систему вокруг данного утверждения.

Поначалу Штайнер заявил о своей верности Безант и её делу. А Безант в ответ назначила Штайнера главой Теософского эзотерического общества Германии и Австрии. Войдя в Теософское общество Безант и возглавив его германо-австрийский филиал, Штайнер встретился с входившей в это общество Марией фон Сиверс, которая в 1914 году стала второй женой Штайнера и серьёзно повлияла на его творчество (первая жена Штайнера Анна Ойнике на творчество Штайнера никакого влияния не оказала).

Итак, в 1904 году Штайнер с подачи Безант становится главой Теософского эзотерического

общества Германии и Австрии, а в 1912 году происходит разрыв между Штайнером и Безант, а также между Штайнером и теософами. Большинство членов возглавляемого Штайнером отделения Теософского общества из этого самого общества выходит и создаёт совершенно новое общество — не теософское, а антропософское. Это общество фокусируется на творчестве Гёте и фактически является «гётецентрическим» во всех возможных смыслах этого слова.

Например, в 1913 году Штайнер начинает строить в Швейцарии, в городе Дорнах, некий специальный центр антропософии, именуемый «Гётеанум». Этот центр является, помимо всего прочего, памятником так называемой «органической архитектуры» 20-х годов XX века. По мысли его архитектора Штайнера, этот дом должен представлять собой модель Вселенной. Всего в Дорнахе и его окрестностях Штайнер построил 12 зданий. Но наиболее интересны два Гётеанума — первый и второй.

Первый был построен в 1913–1919 гг. из дерева и бетона. В его строительстве, пришедшемся на годы Первой мировой войны, принимали участие такие выдающиеся русские литераторы, как Андрей Белый и Максимилиан Волошин. Например, Волошин вместе со своей женой Маргаритой расписывал купол первого Гётеанума. Гётеанум был предназначен для театральных (а точнее, полихудожественных) опытов Штайнера. Такая полихудожественность (она же — гармоническое сращивание различных видов искусства) именовалась штайнерианцами «гезамткунстверк».

В 1922 году этот дом был сожжён. Штайнер, застраховавший здание, имел возможность начать строить второй Гётеанум, включающий театрально-концертный зал на тысячу мест.

Параллельно со своими полихудожественными антропософскими опытами Штайнер занимается созданием педагогической Вальдорфской школы. В настоящее время существует более ты-

сячи вальдорфских школ и более двух тысяч вальдорфских детских садов. Вальдорфская педагогика, ориентированная на некую особую свободу преподавания, насаждается сейчас и в России в виде способа преодоления «тоталитарно-советской» педагогики и способа приобщения к настоящим западным прогрессивным тенденциям. При этом связь Вальдорфской школы с антропософией и так называемым новым религиозным движением не афишируется.

Вкратце могу заметить, что Вальдорфские педагогические начинания проблематичны даже не потому, что налицо определённая их идеологическая и квазиконфессиональная нацеленность. А потому, что Вальдорфская ориентация на суперучителя, суперличность, вокруг которой только и возможно создание Вальдорфской образовательной среды, никоим образом не отвечает тому, что реально сейчас происходит на вальдорфском направлении педагогики в России и мире. А когда Вальдорфский метод сопря-

гается с обычным, а то ещё и с коммерчески ориентированным педагогом, ни в каком смысле не являющимся духовным лидером, то дети, получающие Вальдорфское образование, оказываются и беспомощными, и безграмотными, и тотально дезориентированными. Впрочем, в данном исследовании меня интересует не Вальдорфская педагогика, а личность Штайнера и его особые воззрения на душу.

Штайнер был невероятно плодовит. Кроме Гётеанумов и центров Вальдорфской педагогики он создал фармацевтические лаборатории и Школу духовной науки как некий суперцентр, призванный управлять всей системой его разнообразных начинаний. Известно также об открытиях Штайнера в области так называемой эвритмии, о его мистериальных сочинениях, о его особом влиянии на творчество гениального русского актёра Михаила Чехова, создателя штайнеровского метода актёрской игры.

Штайнер много и плодотворно занимался

земледелием и животноводством. Можно было бы перечислять и другие сферы деятельности этого талантливой и разностороннего человека. Но пора обратиться к тем штайнеровским идеям, ради которых мы взялись рассматривать подробно данного создателя своеобразной эзотерики, она же — антропософия.

Следуя данным путём, я опускаю важнейшие антропософские работы Штайнера, такие как «Теософия: введение в сверхчувственное познание мира и назначение человека» (1904), «Как достигнуть познания высших миров» (1904–1905), «Акаша-Хроники» (1904–1908) и «Очерк тайноведения» (1910). И сразу перехожу к рассмотрению ключевой для нас работы Штайнера «Оккультное значение крови» (Берлин, 25 октября 1906 года).

Штайнер берёт в качестве эпиграфа... как вы думаете — что? Ну конечно же, высказывание его кумира Гёте: «Кровь есть совсем особый сок» («Фауст», Акт I, сцена 4).

Штайнер начинает с обсуждения того, почему договор Фауста с Мефистофелем должен быть подписан кровью. Фауст, говорит Штайнер, сначала рассматривает это предложение как шутку. И вот тогда Мефистофель говорит ему, что кровь есть совсем особый сок. То есть что договор, подписанный кровью, по определению является нешуточным. И что кровавость подписи является гарантией этой самой нешуточности.

Далее Штайнер сообщает слушателям (вначале он прочитал на тему «Оккультное значение крови» курс лекций), что в числе различных интерпретаций данного высказывания Мефистофеля, осуществлённых различными гётеведами, важное место занимает комментарий некоего профессора Минора, утверждающего, что дьявол есть враг крови, ибо кровь есть то, что поддерживает и сохраняет жизнь.

Штайнер сообщает слушателям, что в древней легенде о Фаусте этот персонаж делает разрез ножом, а потом берёт перо для того, чтобы

расписаться кровью. И тогда из надреза, сделанного ножом, кровь формирует слова: «О человек, спасайся!»

Штайнер далее предлагает слушателям поразмышлять над следующим парадоксом. С одной стороны, профессор Минор и другие гётеведы утверждают, что дьявол есть враг крови и это причина для его требования, что подпись должна быть написана кровью. С другой стороны, дьявол требует кровавой подписи. Не парадоксально ли это, спрашивает Штайнер слушателей и добавляет: *«Я хотел бы спросить вас: можете ли вы представить некоторую личность, которая желает обладания той самой вещи, к которой она имеет антипатию?»*

Задав этот вопрос, Штайнер сам даёт на него ответ: *«Единственно разумное объяснение, которое может быть дано, — не только как Гётевскому значению в этом пассаже, но также как всему, приложенному к основной легенде, так и ко всем более древним поэмам о Фа-*

усте, — есть то, что для дьявола кровь была чем-то особенным и что это для него было совсем не безразличным, была ли сделка подписана обычным нейтральным чернилом или кровью.

Мы не можем здесь предположить ничего другого, чем то, что представитель сил зла верит, нет, убеждён, что он будет иметь Фауста особенно в своей власти, если он может только завладеть по меньшей мере одной каплей его крови. Это самоочевидно, что никто не может действительно понимать строку иначе. Фауст должен подписать своё имя своей собственной кровью, но не потому, что дьявол является враждебным ей, но, скорее, потому что он желает заполучить власть над ней».

Далее Штайнер призывает слушателей отказаться от снисходительного отношения к сказкам и мифам древности и признать эти творения кладом особых эзотерических знаний. Призывая в целом к подобному отношению к творческо-

му религиозно-культурному наследию древнейших времён, Штайнер фокусирует внимание читателей на обсуждаемом аспекте крови, кровавой подписи. Он утверждает, что «*всё, что содержится в легендах и древних Миров-концепциях о крови, имеет обыкновение быть значимым, так как в те отдалённые времена имелась мудрость, посредством которой человек понимал истину и широкое значение крови, этого «совсем особого сока», который сам является текущей жизнью человеческих существ*».

Далее Штайнер говорит: «*Мы не можем сегодня вдаваться в вопрос, откуда пришла эта мудрость древних времён, хотя некоторые указания этого будут даны в конце лекции; фактическое изучение этого предмета должно, однако, быть перенесено в будущие лекции. Сама кровь, её значение для человека и роль, которую она играет в прогрессе человеческой цивилизации, будет занимать наше внимание сегодня*».

Далее Штайнер предлагает эзотерическое

и именно эзотерическое, основанное на духовном тайнознании, постижение древнейшего отношения к крови, развиваемого его кумиром Гёте в «Фаусте». Говоря об этом тайнознании, Штайнер сразу же апеллирует к древнеегипетской эзотерической традиции, к жреческой мудрости Гермеса, с которой, по его убеждению, связаны тайнознания Гёте в целом и его фаустианские тайнознания в особенности.

Штайнер прямо говорит, что если специфическое понимание принципа крови существенно (а он убеждён, что только оно существенно), то *«Мы лучше всего приблизимся к нашему предмету, если сначала мы поймём значение древнего принципа, который интимно связан с цивилизацией древнего Египта»*.

Ну вот, читатель... Мы сначала вчитывались в «Фауста», потом спускались вниз, по ступеням истории, погрузились в различного рода древние культуры, потом — пройдя через Вергилия и Трои, Аргонавтов и многое другое — дошли

до древнего Египта. Потом проследили связи между этим древним Египтом и новыми цивилизациями — христианской и исламской, которые так или иначе с этим самым древним Египтом связаны, потом сфокусировались на проблеме тела, духа и души... Потом опять вернулись к «Фаусту» через совсем-совсем не чуждого ему Штайнера, этого создателя нового культа Гёте и «Фауста». А теперь он нас опять возвращает в древний Египет в связи с фаустианским вопросом о подписи кровью на договоре между Фаустом и Мефистофелем.

Может ли подобная траектория нашего пути быть случайной? Вряд ли. А раз так, то по этому пути нам надо двигаться дальше.

(Продолжение следует.)

Сергей Кургинян

Экономическая война

Новый раунд глобальной нефтяной игры.

Часть III

В СССР предательские сегменты нашей элиты использовали экономический шок сокращения экспортных доходов для игры на «перенаправление» объявленной «Перестройки» в русло, ведущее к разрушению страны

«Войны нефтяного избытка»

Очевидно, что «нефтяной избыток» возникает тогда, когда предложение нефти на мировом рынке существенно превышает спрос. Однако, как я показал ранее, гибкость современного рынка физической, реальной нефти позволяет ему достаточно быстро балансировать спрос и предложение. Тогда почему приходится говорить о «кризисах нефтяного избытка» и «войнах нефтяного избытка»? В чём состоят причины длительных разбалансировок рынка?

Первая причина состоит в ошибках прогнозов спроса и предложения со стороны производителей нефти. Причём речь идёт об ошибках, связанных с непредсказанными экономическими и военно-политическими кризисами. Именно такой «военно-экономический» кризис нефтяного дефицита произошёл в 70-х годах прошлого века, а затем перетёк в «военно-экономический» кризис нефтяного избытка в середине 80-х годов.

Как я писал ранее, крупнейший затяжной кризис нефтяного дефицита был связан с «арабским эмбарго» 1973 г. После поражения арабской коалиции в «войне Судного дня» с Израилем государства Персидского залива прекратили или резко сократили поставки нефти странам, поддерживавшим Израиль, прежде всего — США и Голландии. Хотя эмбарго начали поэтапно снимать уже весной 1974 г., нефтедобывающие страны ОПЕК во главе с Саудовской Аравией получили возможность диктовать потребителям гораздо более высокие цены на нефть. Уже в ходе эмбарго цена на нефть взлетела с 3 долл./барр. до 11,5 долл./барр., а к 1980 г. она достигла 35–37 долл./барр.

Реакцией большинства развитых стран Запада стали:

- развитие новых технологий снижения энергоёмкости промышленности, а также технологий и практик энергосбережения;

- активизация разработки альтернативных источников энергии, включая ядерную энергетику и расширенное потребление угля и природного газа, а также развитие ветровой и солнечной энергетики;
- разработка и освоение новых технологий нефтедобычи из сложных месторождений, включая морской шельф, глубоко залегающие месторождения и месторождения в слабопроницаемых породах.

Кроме того, нефтедобывающие страны, не входящие в арабскую коалицию (Венесуэла, Нигерия, Мексика, Канада, Норвегия, а также СССР), начали резко наращивать добычу и экспорт нефти, стремясь «покрыть» её дефицит, возникший в результате арабского эмбарго.

В результате к началу 1980-х гг., доля стран ОПЕК в глобальной торговле нефтью сократилась с половины рынка до примерно трети рынка. И когда в этот момент ОПЕК во главе с Сау-

довской Аравией решила более активно возвращаться на нефтяной рынок, наращивая экспорт, на нём — впервые за долгое время — обнаружился некоторый избыток сырья, и цены начали, хотя сначала незначительно, снижаться.

Перелом наступил в 1985 г. После того, как администрация американского президента Р. Рейгана решила использовать «нефтяное оружие» против СССР. Который быстро превращался в одного из главных игроков на мировом нефтяном рынке и формировал из доходов нефтяного экспорта очень существенную часть своего бюджета.

В начале 1984 г. США начали через «третьи страны» тайные поставки вооружений Ирану, который в это время вёл войну с Ираком. В результате иранская «революционная гвардия» начала добиваться серьёзных успехов против иракских войск. В том числе в районе Басры, всё ближе к кувейтским и саудовским нефтяным месторождениям. А в мае 1984 г. проиранские боеви-

ки совершили несколько крупных терактов в Эр-Рияде.

Напуганный этими событиями саудовский король Фахд запросил военно-политических гарантий безопасности у США. Вашингтон пообещал королю и военную поддержку, и политические гарантии в обмен на учёт американского нефтяного интереса — обрушение цены на нефть.

К лету 1985 г. Саудовская Аравия начала расконсервировать свои нефтяные резервы и наращивать добычу и экспорт. К концу 1985 г. саудовская нефтедобыча выросла с 2 млн барр./день до 10 млн барр./день(!!!). На мировом рынке возник, причём внезапно, непредсказуемо для других производителей и потребителей, гигантский избыток нефти. Соответственно, мировые цены на нефть рухнули с 30–32 долл./барр. до 11–12 долл./барр.

СССР начал терять десятки миллиардов долларов экспортных доходов. И не только на нефти, но и на экспорте оружия, которое основные его

покупатели — Иран, Ирак, Ливия — уже не могли оплачивать, поскольку потеряли на падении цен на нефть свои собственные экспортные доходы. А в СССР предательские сегменты нашей элиты использовали экономический шок сокращения экспортных доходов для игры на «перенаправление» объявленной «Перестройки» в русло, ведущее к разрушению страны.

Это была, видимо, крупнейшая в истории рукотворная «война нефтяного избытка».

Две следующие «войны нефтяного избытка», как правило, объясняют «побочными результатами» глобальных кризисов. Но при этом «как бы забывают» рассмотреть причины кризисов.

Так, летом 1997 г. до России докатилась волна мирового кризиса, начавшаяся на рынках Юго-Восточной Азии и резко и надолго сократившая глобальный спрос на нефть. Однако сейчас в мире уже написано очень много о том, что это был вполне рукотворный военно-экономический кризис. Сначала пул западных (прежде всего,

американских) инвестфондов и банков «накачивал» экономики и фондовые рынки стран Юго-Восточной Азии дешёвыми кредитными деньгами и портфельными инвестициями. Затем этот же пул начал лихорадочно выводить деньги с бирж этих стран, а далее требовать возврата кредитов.

Финансово открытые экономики глубоко закредитованных стран начали рушиться «по принципу домино». В том, что касается нефтяного рынка, цены на нефть упали с 26 долл./барр. в начале 1997 г. до 9–10 долл./барр. в середине 1999 г.

О вполне рукотворных «военных» причинах мирового экономического кризиса, начавшегося в 2008 г. (опять-таки исходящего из США и «запущенного» целенаправленными кредитно-деривативными махинациями крупнейших американских банков и инвестфондов), также написано много. Кризис вновь сопровождался резким снижением глобальной экономической

активности и, соответственно, мирового спроса на нефть. В результате «кризисного избытка» цены на нефть обрушились со 140 долл./барр. в мае 2008 г. до 45 долл./барр. на рубеже 2009 г. и лишь затем начали медленно восстанавливаться.

Здесь необходимо рассмотреть вопрос о том, откуда берётся нефть для создания этих самых кризисных «избытков». Ведь, как мы видим, её потребление непрерывно растёт. Оно с 83 млн барр./день в кризисе 2008 г. к сегодняшнему моменту увеличилось до 93 млн барр./день.

Откуда берётся «новая нефть» для покрытия растущего спроса и создания избытка?

В 2013 г., обсуждая в нашей газете энергетические войны, я уже писал о том, что главным ответом человечества на угрозы истощения нефтяных богатств планеты стали новые технологии поисков и разработки нефтяных месторождений. В последние десятилетия ключевыми направлениями этих технологических изысканий стали морские (шельфовые) месторождения и так называемый «сложные» месторождения суши.

А поскольку угроза скорого истощения собственных нефтяных ресурсов уже в 70-х годах XX века с особой остротой встала перед США — крупнейшим мировым потребителем нефти, то именно американцы первыми занялись новыми технологическими возможностями расширения своей нефтяной ресурсной базы.

Признаки кризиса нефтеснабжения США возникли уже в начале 70-х годов прошлого века, когда нефтяной импорт США быстро увеличивался на фоне активного промышленного роста страны и «бума» тотальной автомобилизации Америки. Именно по этой причине арабское эмбарго после «войны Судного дня» оказалось для США столь болезненным и рассматривалось именно в «военно-экономическом» ракурсе. И именно по этой причине в США уже в середине 1970-х годов был поставлен вопрос о возможностях и путях обеспечения «нефтяной независимости».

О каких возможностях и путях идёт речь?

Становление и перспективы развития «морской» нефтедобычи

Одним из наиболее «системных» ответов Америки на кризис нефтяного дефицита стали крупные капиталовложения в технологии разведки и разработки морских (шельфовых) нефтя-

ных месторождений.

Шельфовая добыча нефти во всём мире активизировалась ещё в 50-х годах XX века. Однако вплоть до 70-х годов, из-за несовершенства методов разведки месторождений и отсутствия эффективных технологий морского бурения, освоение большинства морских нефтяных запасов ограничивалось максимальными глубинами моря в первые десятки метров.

Новые американские технологии разведки (прежде всего, так называемая 3D-сейсморазведка) и бурения морских скважин с различных типов морских платформ позволили приступить к освоению глубин моря 100, 200 и так далее метров. Если в конце 70-х годов примерно 85% нефти морских месторождений добывали с глубин не более 100 м, то уже в середине 80-х годов появились разработки на глубинах 300 м, а в начале 90-х годов — до 700 м.

Такие «морские» технологии быстро освои-

ли ключевые американские нефтяные корпорации и быстро переняли корпорации европейские (британские, норвежские, французские) и арабские. Американцы сначала осваивали собственные морские месторождения в Мексиканском заливе и вблизи Атлантического побережья, европейцы — на шельфе Северного моря, арабы — в Персидском заливе. А затем все эти нефтяные «мегакорпорации» начали экспансию в другие регионы мира — на западное побережье Африки (Гвинейский залив), в Карибское и Южно-Китайское моря, на северное побережье Австралии и так далее.

При этом, конечно, совершенствовались технологии и росли осваиваемые глубины моря. К началу нынешнего века добычу нефти уже вели на глубинах моря до 2 000 м и на глубинах месторождений, считая от дна, более 3 000 м.

В результате быстро росла и доля нефти, добываемой с морского дна. Если в 1960 году составляла чуть более 10% от общемировой добы-

чи, то в 1980 году она увеличилась до 23%, а в 2005-м — составила около 30% мирового производства нефти.

Но затем этот рост резко затормозился. И не потому, что разведанная «морская» нефть иссякла. Дело в том, что стоимость морской добычи (прежде всего, затраты на бурение и поддержание в рабочем состоянии промысловых скважин) быстро растёт с увеличением глубины моря. И в результате даже на самых богатых месторождениях оказывается заметно выше, чем на суше.

Для освоения месторождения в море приходится строить гигантские и сложнейшие сооружения — нефтяные платформы. Крупная нефтяная платформа — это небольшой город-завод с собственной системой жизнеобеспечения, причалами и вертолётными площадками, на котором вахтовая смена персонала обычно проводит две недели. Полная масса подобного циклопического сооружения, предназначенного для разработки глубоководных месторождений нефти или

газа, — многие сотни тысяч тонн, а цена может составлять 7–12 млрд долларов

Но дело не только в цене. Добыча нефти или газа в море отличается высоким уровнем климатических, технологических и военно-террористических рисков.

(Продолжение следует.)

Юрий Бялый

Классическая война

Русский героизм. Потешные войска

Молодой царь убедился, что рассчитывать на стрелецкое войско как на инструмент обороны страны — нельзя. Так, по факту основой нового российского войска стали потешные полки, в 1692 году получившие названия Семёновского и Преображенского

**Рядовой, Сержант и Офицер Преображенского
полка. 1695–1700 гг.**

В предпетровскую эпоху, во второй половине XVII века, наиболее боеспособными частями русской армии оказались полки «нового строя» в первую очередь стрельцы. Вооружённые огнестрельным оружием, стрельцы в ходе битвы располагались в первой линии и встречали неприятеля массированным залпом. Если оружие успевали перезаряжать, следовал второй залп, а затем в дело шли бердыши — похожие на секиру топоры на длинной рукояти. С бердышами можно было даже остановить атаку тяжёлой конницы, плотно уперев их тупым концом в землю или рубя всадников мощными ударами. Одновременно русская артиллерия разила задние порядки неприятеля, не давая им прийти на помощь сражающемуся авангарду. Фактически всю битву вели именно эти полки «нового строя», тогда как дворянское ополчение и конница оставались в резерве и имели уже скорее вспомогательное значение.

Стрельцы вооружались самым передовым

по тому времени оружием: мушкетами и карабинами с кремневыми замками, ручными гранатами, «винтовальными» (нарезными) пищалями, пистолетами.

Так постепенно совершался переход от поместной войсковой системы к регулярной армии. Правда, дело это так и не было доведено до конца. Вечно пустая государственная казна не позволяла правительству постоянно содержать армию под ружьём. В мирное время солдат, драгун, рейтар и стрельцов приходилось распускать по домам до нового призыва. Это приводило к нарушению принципа постоянной военной подготовки ратника, к отсутствию подготовленных резервов. Кроме того, чтобы не выплачивать в мирное время полное жалованье, стрельцам позволялось заниматься всяким промыслом, торговлей, наниматься в работники и пр. Это снижало их боевой дух и, говоря современным языком, омещанивало их.

И хотя стрельцы были весьма боеспособным

для своего времени родом войск, но дисциплина у них сильно хромала — буйные, алчные, готовые за деньги на всё, в жизни Петра они сыграли зловещую роль. Вот описание первого стрелецкого бунта, данное военным историком XIX века П. Дириным:

«15 мая 1682 года взбунтовавшиеся стрельцы стояли уже в Кремле и требовали мнимых убийц царевича Иоанна. Несмотря на то, что царевича показывают всему народу с Красного крыльца здоровым и невредимым, стрельцы врываются в царские хоромы, неистовствуют, богохульствуют, оскорбляют, в присутствии Петра, его мать и всех близких и дорогих сердцу, грабят царское имущество и, наконец, заканчивают день умерщвлением приверженцев и родственников молодого царя, Нарышкиных. В продолжение трёх суток Пётр с матерью ежеминутно ожидали, что их постигнет та же участь. На третий день стрельцы, вырвав из рук Натальи Кирилловны любимого её брата

Ивана Кирилловича, сбросили его с крыльца и, насытившись вдоволь невинною кровью, разошлись, но оцепили весь Кремль караулами».

Именно из-за буйства и ненадёжности Пётр не доверял стрельцам, хотя и использовал их позже в ряде войн. Но в итоге стрельцы как род войск были распущены — как только окрепло и научилось воевать регулярное, служащее на постоянной основе и полностью преданное ему лично новое войско.

Начиналось это новое войско, казалось бы, с шутки, игры.

Отец Петра, Алексей Михайлович, очень любил соколиную охоту. Для потехи с ловчими соколами под Москвой было отведено специальное место — Сокольники. А крестьяне близлежащих сёл Преображенское и Семёновское, приписанные к дворцовому хозяйству и занимавшиеся обслуживанием этих охотничьих забав, назывались потешными.

Вот в этот-то загородный дворец после стре-

лецкого бунта, опасаясь за жизнь молодого царя, и перевезла сына царица Наталья Кирилловна. А одиннадцатилетний Пётр в Сокольниках заинтересовался не охотой, а воинской потехой.

Молодой царь стал играть в солдатики, но не в оловянные, а в живые. Его солдатами стала дворцовая челядь — камердинеры, конюхи, повара, стольники, — согласившиеся служить юному царю. Играли всерьёз — в 1683 году из загородного дворца в Кремль идут письменные требования прислать различные предметы снаряжения и вооружения: барабаны, дудки, копья и протазаны (вид копья), алебарды, палаши, мечи и топоры, бердыши и мушкеты, и даже пушки со всеми принадлежностями и порохом.

Поскольку за эти игры хорошо платили, в потешные войска с удовольствием стали записываться крестьяне окрестных деревень. После воинских артикулов (учений) и стрельб холостыми патронами солдаты снимали потешные мундиры и возвращались к своим дворцовым и крестьян-

ским обязанностям.

Время шло, а Пётр всё больше увлекался этой игрой. Вскоре челяди для потешных войск стало не хватать. В 1687 году Пётр требует набрать охочих людей из действующей армии — от барабанщиков до офицеров. У потешных появился и свой генерал — им стал шотландец Патрик Гордон, в дальнейшем верный сподвижник Петра. Гордон возглавил войско, ввёл порядок и дисциплину, организовал масштабные сражения. Сам молодой Пётр прошёл в потешных войсках все солдатские чины, начиная с барабанщика, но более всего ему понравилась артиллерия, и он постоянно числился бомбардиром Петром Алексеевым.

На другом берегу Яузы, напротив Преображенского, построили маленькую крепость, обнесённую бревенчатым забором, с башнями по углам и земляным валом, на который ставились орудия. Потешных разделили на два войска, одно из которых должно было защищать кре-

пость, а второе — брать штурмом. Обе стороны применяли артиллерию, заряженную вместо настоящих снарядов пыжами. Грохот, дым, крики «ура» создавали полную иллюзию настоящего боя. В общей свалке не всегда удавалось избежать раненых и убитых.

Потешные получили особую военную форму, были введены чины. Бывшие конюхи постепенно превращались в спаянный воинский коллектив, причём организованный в соответствии с западным регулярным порядком. Большинство офицеров были иностранцами, сам Пётр учился тоже у них — военные знания получал у швейцарца Франца Лефорта, фортификацией с ним занимался голландец Франц Тиммерман, управлению парусами обучал голландец Карштен-Брант, немецкий мастер Зоммер показывал ему гранатную стрельбу.

Эти воинские игры продолжались беспрерывно до 1688 года — пять лет. Такая настойчивость многое говорит о целеустремлённости

юного Петра.

В августе 1688 года стрельцы, по наущению царевны Софьи, вновь подняли бунт. Предупреждённый о заговоре, Пётр отправился под защиту толстых стен Троицкой лавры. Обеспечивали безопасность царя его потешные, притащившие в лавру пищали и пушки. Однако слух о попытке убийства царя быстро долетел до Москвы, поднялась великая тревога, большинство бояр и дворян отреклись от Софьи и присягнули Петру. Заговор был разоблачён, Софья пострижена в монахини, а её ближайшие сторонники казнены.

Молодой царь вновь убедился, что рассчитывать на стрелецкое войско как на общегосударственную военную силу, как на инструмент обороны страны нельзя. Так по факту, хотел этого Пётр или нет, основой нового российского войска стали потешные полки, в 1692 году получившие названия Семёновского и Преображенского.

Между тем проблема защиты южных рубежей вновь встала во всей остроте. В ответ

на крымские и азовские набеги Россия в 1687 и 1689 годах организовала два похода на Крым, но оба они были неудачными.

Проблема по наследству перешла к Петру. В 1695 году им был задуман новый поход на юг — но уже не на Крым, а на Азов. Было собрано войско, состоявшее из Преображенского и Семёновского полков, части московских стрельцов, городских солдат — всего 31 тысяча человек. Артиллерии было достаточно — 201 орудие с запасом пороха и ядер. Командовали походом три петровских генерала — Патрик Гордон, Франц Лефорт и Автоном Головин. Себя Пётр считал недостаточно компетентным, поэтому выступил в поход в качестве командира бомбардирской роты.

Но неудачи преследовали армию с самого начала: вместо трёх недель она шла к Азову два месяца, турки успели прислать подкрепление и подготовить крепость к осаде, из-за отсутствия у русских флота к Азову с моря беспрепятственно подвозилось всё необходимое.

Месяц артиллерийского обстрела крепости мало что дал, кроме общих разрушений. Было предпринято два штурма, но и они оказались безуспешными. 2 октября, ввиду ухудшения состояния войска и наступавших холодов, было решено снять осаду.

Обратный путь армии был очень тяжёлым. Войска шли по снегу, ночевали в степи, несли большие потери. Пётр шёл вместе со всеми, переноса те же невзгоды.

Неудачная азовская компания, тем не менее, не подорвала дух молодого царя — по прибытии в Москву он немедленно взялся за подготовку нового похода.

Причинами неудачи на военном совете были названы следующие: отсутствие специалистов осадного дела, отсутствие флота для блокирования Азова с моря и отсутствие единого командования.

Из-за границы выписали военных инженеров — из Италии, Франции, Голландии.

Всю зиму в Воронеже, где были хорошие леса, строили флот — морские галеры для борьбы с турецким флотом и струги для перевозки войск. Из Москвы, Вологды, Архангельска привезли своих мастеров, также выписали корабелов из Голландии, Англии, Венеции. Ценой невероятных трудов к марту флот в основном был готов — им командовал Лефорт.

Новая сухопутная армия была увеличена вдвое, сюда были включены также донские и яицкие казаки. Главнокомандующим был назначен боярин Алексей Шеин, а общее руководство походом Пётр впервые взял на себя.

К середине мая русская эскадра прибыла к устью Дона под Азов. Здесь отлично проявили себя казаки — не дожидаясь прибытия главных сил, они на 40 лодках-чайках напали на стоящий на рейде турецкий флот. Их рискованный натиск окончился полным успехом — было потоплено два крупных военных корабля и захвачено девять грузовых судов, вёзших припасы азовско-

му гарнизону. Всё досталось казакам — пушки, порох, продукты, обмундирование.

Эта диверсионная операция казаков имела крупное значение — гарнизон турецкой крепости лишился необходимых припасов, и с этого момента блокада Азова стала полной. Позже турецкий флот сделал ещё одну попытку прорваться к крепости, но не смог этого сделать.

К концу мая прибыла русская сухопутная армия, а к 7 июня крепость была полностью окружена. Начались осадные работы. По предложению стрельцов и солдат решили вокруг Азова сделать насыпной вал и передвигать его до тех пор, пока он не станет вплотную к стенам крепости. Работа велась непрерывно, посменно, по 15 тысяч человек в смене. В ответ на огонь турок русские обстреливали крепость пушками, стоящими на валу.

Прибывшие французские и итальянские инженеры и минёры были потрясены огромностью труда, затраченного на создание и передвиже-

ние вала. Они помогли улучшить точность бомбардировки крепости, в результате был разрушен угловой бастион Азова.

Неотвратимо надвигающийся вал сильно нервировал турок, но они не имели сил для того, чтобы остановить его передвижение. Гарнизон уже потерял в боях треть состава, было много больных и раненых, не хватало свинца для пуль.

К 18 июля русский вал настолько приблизился к стенам крепости, что бросаемая земля сыпалась в город. Русские готовились к рукопашной — окончательный штурм был назначен на 22 июля.

Но турки не выдержали раньше — они выслали парламентёров с согласием сдать крепость. Утром 19 июля начался выход турецкого гарнизона с жёнами, детьми и имуществом. Знамёна, пушки, порох, огнестрельное оружие и множество амуниции достались победителям.

Взятие Азова имело огромное значение для России. Была достигнута крупная победа, прервана длинная цепь военных неудач, новая рус-

ская армия продемонстрировала свои возросшие возможности. Наконец-то Россия получила выход в море и ликвидировала опорную базу для набегов на свои южные земли. Пётр же, которому тогда исполнилось 24 года, выполнил первую из трёх стратегических задач, которые почти столетие нерешёнными стояли перед страной.

Юрий Бардахчиев

Социальная война

Горькая пилюля лекарственного страхования

В России, где борьба с откатами в бизнесе ведётся крайне вяло, обязательное лекарственное страхование рискует превратиться в очередную «машину по выкачиванию денег из граждан»

12 ноября Минздрав в рамках долгосрочной «Стратегии развития здравоохранения» объявил об очередном нововведении. С 2016 года в ряде регионов России запускаются пилотные проекты по внедрению так называемой системы лекарственного страхования. Планируется к 2025 году

данную госпрограмму реализовать на всей территории страны.

Лекарственное страхование — это широко распространённое в большинстве стран Западной Европы добровольное страхование, которое предоставляет возможность населению получать медикаменты со значительной скидкой или бесплатно.

Из документов Минздрава следует, что новая система должна решить проблемы с обеспечением населения России необходимыми лекарственными препаратами. Планируется, в связи с этим, ввести лекарственное страхование в систему обязательного медицинского страхования (ОМС). Декларируется, что когда система заработает, любой застрахованный в системе ОМС гражданин России будет обладать правом на получение частично оплачиваемого лекарства по рецепту врача. Программа-максимум предполагает к 2030 году возмещение половины стоимости лекарств работающему населению и со-

хранение в полном объёме списка лекарств для льготников.

Необходимость решения проблемы лекарственного обеспечения российских граждан возникла давно. *«Сегодня объёмы лекарственного обеспечения населения, — говорит председатель правления Ассоциации медицинских обществ по качеству медицинской помощи и медобразования Г. Улумбекова, — в 4,2 раза ниже, чем в «новых» странах ЕС».*

После распада СССР в России не сумели создать и наладить новую систему лекарственного обеспечения населения. Таковую, например, как система, функционирующая в странах Западной Европы. Место такой системы до сих пор занимает рыхлая совокупность госпрограмм, рассчитанных на относительно ограниченный круг населения.

Так, с 2005 года в России действует программа дополнительного лекарственного обеспечения (ДЛО). Эта программа до недавнего времени

мыслилась в качестве «прообраза» будущей системы лекарственного страхования. Однако с самого начала программа ДЛО оказалась малоэффективной.

Программа ДЛО охватывает достаточно узкую группу населения — около 17 млн человек. Это — инвалиды и участники Великой Отечественной войны, онкологические пациенты, больные диабетом. Всего право на льготы по программе ДЛО имеют около 17 млн человек. Однако лекарства по этой программе получают не более 4 млн. Остальные предпочли денежную компенсацию, хотя размеры её мизерные. Почему?

Основная причина в том, что трудно, а иногда невозможно отоварить выписанный врачом рецепт. Список льготных лекарств ограничен. Ограничен и срок действия рецепта. В аптеке не всегда есть именно тот препарат, который необходим. В итоге население покупает лекарства за свои деньги, а компенсация хоть частично по-

могает покрыть расходы.

Кроме программы ДЛО, с 2008 года в России реализуется госпрограмма «7 нозологий». Эта программа обеспечивает централизованное финансирование лекарственного обеспечения пациентов с такими тяжёлыми заболеваниями, как рассеянный склероз, болезнь Гоше, гемофилия, муковисцидоз, гипопизарный нанизм, большой спектр онкогематологических заболеваний, а также больных, перенёсших трансплантацию органов.

Отмечу, «7 нозологий» — одна из наиболее успешных госпрограмм, запущенных Минздравом в последние годы. Однако будущее и этой программы находится под большим вопросом. Дело в том, что программа «7 нозологий» уже неоднократно давала сбои. Например, в 2012 году Россию сотрясал крупный скандал в связи с задержками в поставках жизненно важных лекарств для больных муковисцидозом детей.

Но главная проблема состоит в том, что феде-

ральные министерства уже не первый год стремятся скинуть с себя часть функций, в том числе по части лекарственного обеспечения, и переложить их на плечи региональных ведомств.

Так, в 2014 году в соответствии с Федеральным законом № 323-ФЗ РФ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» функция по закупке жизненно важных лекарств для обеспечения пациентов с высокочувствительными заболеваниями (этот список гораздо шире, чем в программе «7 нозологий»), а также функции по льготному обеспечению лекарствами переданы регионам. Однако выясняется, что регионы не готовы к возлагаемым на них обязанностям.

Так, президент Всероссийского общества гемофилии Ю. А. Жулев констатирует «очень серьёзные перебои с лекарственным обеспечением граждан, страдающих ВИЧ-инфекцией, когда полномочия по закупке лекарств передали в регионы». Жулев считает, что та же участь может постигнуть и программу «7 нозологий».

Далее. С внедрением в России коммерческой медицины «страхование лекарственного обеспечения» появилось в качестве одной из опций договора добровольного медицинского страхования (ДМС). Она предполагает полную или частичную оплату лекарств, выписанных врачами по договору ДМС. Однако на практике эта опция действует только для корпоративных клиентов.

В итоге, более 80% населения страны приобретает лекарства за собственные деньги. Казалось бы, в этом нет ничего особенного. Однако, низкие доходы и ежегодный рост цен на лекарства создают серьёзную проблему в доступности медикаментов для подавляющего большинства граждан страны. Всё это, а также сокращение объёмов доступной и бесплатной медицинской помощи по системе ОМС (о чём мы не неоднократно писали), приводит к тому, что всё большее число наших граждан в случае болезни прибегает к самолечению, ориентируясь не на рецепты врача, а на рекламу дешёвых, но не всегда эффек-

тивных лекарств.

Внедрение лекарственного страхования, по заверениям Минздрава, должно в корне изменить ситуацию. В частности, решить проблему доступности эффективных, но дорогостоящих медицинских препаратов. Особо подчёркивается при этом, что программа носит всеобщий и обязательный характер.

Казалось бы, новая инициатива Минздрава достаточно ясна, прозрачна и выглядит оптимистично.

Если верить данным международной компании Synovate Comcon Healthcare, специализирующейся на изучении предпочтений потребителей, почти 60% населения России надеется на то, что государство хотя бы частично снимет с пациентов финансовую нагрузку при покупке лекарств, а 19% — (в основном это пенсионеры и инвалиды) уверены в том, что лекарственное страхование даст возможность получать бесплатные лекарства.

Приветствуют инициативу и страховые компании, работающие в системе ОМС. Они уже заявили о готовности взять на себя часть контроля над качеством оказания медпомощи, в том числе, по части обеспечения лекарственными препаратами.

Менее оптимистично настроены эксперты и врачи. Большинство из них уверены, что рано петь дифирамбы данной идее, поскольку в деле реализации лекарственного страхования в России много «подводных камней» и проблем.

Одну из проблем озвучила ещё в 2012 году глава Минздрава В. Скворцова: *«Лекарственное страхование возможно только при достаточной финансовой наполненности системы здравоохранения, в противном случае, систему разорвёт, ей просто не хватит возможностей»*. О том, какими методами «наполняется система», мы говорили в ряде статей, посвящённых «оптимизационным» процессам в нашем здравоохранении. Напомню лишь о том,

что в рамках «оптимизации» российское здравоохранение переведено на одноканальное финансирование по системе обязательного медицинского страхования (ОМС). А также о том, что это приводит к постоянному сокращению списка предоставляемых населению бесплатных медицинских услуг.

Так вот, по прогнозам экспертов в 2016 году дефицит бюджета ФОМС составит 28,9 млрд рублей. А это означает, предупреждают эксперты, что денег может не хватить даже для выполнения уже запущенных территориальных программ по ОМС. И очевидно, что дополнительная нагрузка в виде финансирования высокочрезвычайно затратного лекарственного страхования создаст серьезные угрозы стабильности всей системы ОМС.

Одна из угроз связана также с тем, что введение лекарственного страхования может обернуться увеличением количества выписываемых рецептов. При том, что эти рецепты окажутся медицински необоснованными. А также ростом ле-

карственных терапевтических назначений, осуществляемых без наличия медицинских показаний.

Кроме того прописанное в программе возмещение денежных средств, исходя из рыночной цены лекарств, может спровоцировать аптеки на завышение их стоимости или на навязывание пациентам более дорогих аналогов. Отмечу, что такая тактика российскими аптеками давно применяется.

В Минздраве на это отвечают, что мотивировать врачей на рациональное выписывание рецептов будет обязательное участие самих пациентов в доплате за лекарства. Что касается цен на лекарства в аптеках — то этот вопрос, по мнению чиновников, находится в компетенции соответствующих органов и ведомств.

Гораздо важнее, считают в министерстве, что введение лекарственного страхования даёт пациентам возможность выбора. Поскольку пациент с введением лекарственного страхования бу-

дет «волен сам решать, выбрать ли ему дженерик, стоимость которого покрывает размер возмещения, или оригинальный препарат, за который он просто доплатит сверху». Что можно ответить на этот довод?

Конечно, если пациент платежеспособен, он так и поступит. Но ведь не исключена и другая ситуация. Пациенту по жизненным показаниям, например, необходим дорогой препарат, который он должен частично оплатить. А если он этого сделать не может из-за финансовых возможностей, то из соображений экономии, пациент, вероятнее всего, выберет дешёвый дженерик с сомнительной эффективностью. То, что в этом случае эффективность лечения может оказаться равной нулю, — очевидно. Но на это ведь всегда можно сказать: «Это выбор самого пациента!»

Но больше всего экспертов беспокоит отсутствие информации о том, сколько дополнительных средств в системе лекарственного страхования будет выделяться на бесплатное обеспече-

ние населения лекарственными средствами и какие категории населения смогут их получать. А это вопрос весьма серьёзный, поскольку речь идёт о государственных гарантиях, список которых в России непрерывно сокращается последние 20 лет. И не только в здравоохранении.

Российские реформаторы здравоохранения, пропагандируя внедрение в России лекарственного страхования, постоянно ссылаются на западный опыт. Действительно, в странах Западной Европы существует развитая система медицинского страхования, в том числе лекарственного. Но дело в том, что на Западе, и об этом говорят эксперты, лекарственное страхование не столько выполняет свою социальную миссию, сколько заботится о сбыте лекарственных препаратов. *«В западных странах, — комментирует ситуацию партнёр юридической компании «Налоговик» Д. Липатов, — доходит до того, что страховая компания диктует врачу, какими именно лекарствами нужно лечить пациента».* К сожа-

лению, такая система стремительно внедряется и в России.

По мнению Д. Липатова, в России, где борьба с откатами в бизнесе ведётся крайне вяло, обязательное лекарственное страхование рискует превратиться в очередную *«машину по выкачиванию денег из граждан»*.

Конечно, хочется надеяться на лучшее. Но если прав эксперт, то не исключено, что в результате внедрения в России лекарственного страхования доплачивать за лекарства будут не только трудоспособные граждане России, но и незащищённые категории граждан — пенсионеры и инвалиды. И лекарственное страхование, как и другие новшества Минздрава, окажется не спасительным эликсиром, а очень горькой пилюлей.

Михаил Дмитриев

Война с историей

Лики примирения — 3

Время играет на франкистов. Идеология фашизма в мире возрождается — достаточно посмотреть на то, что происходит на Украине. И всё, с чем была связана Республика (в том числе Советский Союз и коммунистическая идеология), подвергается совместным нападениям как правых, так и левых

В Испании с 40-х годов XX века, с момента ухода на русский фронт «Голубой дивизии» (добровольческого подразделения, воевавшего на стороне вермахта), существует общество, поддерживающее дивизионеров и их родственников. В настоящий момент общество носит название

Национальное Братство «Голубой дивизии».

На протяжении последних нескольких лет Братство «Голубой дивизии» проводит политику так называемого «примирения». Оно настаивает на том, что павшие дивизионеры заслуживают не меньшего уважения, чем те, кто воевал на стороне Республики. И считает, что давно пора забыть идеологические противоречия, что должно состояться «примирение» сторон. Так, например, на странице Братства размещён отчёт о том, как в марте 2015 года штаб-квартиру организации посетили одновременно ветеран «Голубой дивизии» Хуан Барреро Масиас, воевавший в «Голубой дивизии» под Красным Бором, и Мануэль Арке Поррес, увезённый в 1936 году в СССР. Ветераны шутили, рассказывали анекдоты. «Никакой политики!» — подчёркивает автор заметки. Ибо политику выдумали политические партии, которые хотят действовать в своих интересах.

Нет никакой разницы между этими ветеранами, подчёркивает автор. Их воспоминания —

это воспоминания испанцев, оказавшихся на чужой земле, в другую эпоху. *«Это настоящая историческая память Испании... Не та, что хотят внедрить в политических целях, чтобы отомстить или взять реванш... чтобы открыть затянувшиеся раны... Уважение к мёртвым, независимо от идеологии, которой они придерживались, должно быть одинаковым».*

Автор заметки приводит краткую биографию Мануэля Порреса. Она типична для испанского ребёнка времён Гражданской войны, попавшего в СССР. В возрасте восьми лет он оказался в Советском Союзе. Получив медицинское образование (от себя добавим: явно очень хорошее), по возвращении в Испанию в 1966 году работал в мадридской больнице, заслужив большое уважением высоким профессионализмом... Но уже одна эта история (а таких историй много) опровергает всё то, что нам навязывают испанские СМИ и представители Братства в качестве стереотипа тяжёлой жизни испанца, оказавшегося во-

лей судеб в Советском Союзе.

Что показательно, примирительная риторика Братства почему-то не распространяется на СССР и коммунистическую идеологию. Как только речь заходит о советском коммунизме, Братство напроочь забывает о «примиренчестве» и не считает нужным маскировать своё настоящее отношение к коммунизму и Советскому Союзу. Страница Братства в Фейсбуке пестрит высказываниями вот такого характера: *«Все (солдаты «Голубой дивизии» — М.Р.) — герои для меня и для многих испанцев, они ушли на русский фронт, чтобы отомстить коммунистам за преступления, совершённые ими во время Гражданской войны в Испании...»*

Очевидно, что слова Братства о «примирении» — не более чем тактический ход, реакция на принятый социалистами в 2007 году «Закон об исторической памяти», предусматривающий переименование топонимов, посвящённых Франко и его сторонникам. Наследникам Франко нужно

«примирение», чтобы выиграть время, перетянуть на свою сторону общественное мнение, собрать силы и выработать дальнейшую программу действий.

А время играет на франкистов. Идеология фашизма в мире возрождается — достаточно посмотреть на то, что происходит на Украине. И что характерно — всё, с чем была связана Республика (в том числе Советский Союз и коммунистическая идеология), подвергается совместным нападкам как правых, так и левых. У испанских правых есть все основания ликовать по поводу того, что левые партии, парализованные концепцией о «двух тоталитаризмах», уравнивающей коммунизм и фашизм, теряют и своих сторонников, и связь с историей. А правые, пользуясь этим, непрерывно наращивают свой политический капитал.

Примером того, как неофранкисты укрепляют своё положение, а левые занимают беспомощно-ведомую позицию, является

установка памятного знака в честь испанцев, умерших в исправительно-трудовых лагерях Казахстана. Памятный знак был установлен в Караганде 31 мая 2015 года. Братство «Голубой дивизии» — один из инициаторов установки памятного знака, названного в публикациях Братства памятником «репрессированным» испанцам.

Что же это были за «репрессированные» испанцы? В исправительных лагерях в Казахстане содержались военнопленные разных стран. Там были японцы, немцы, прибалты и, в том числе, испанские военнопленные из «Голубой дивизии». Таким образом, большая часть так называемых «репрессированных» испанцев — это солдаты, воевавшие в составе «Голубой дивизии». Всего через исправительно-трудовые лагеря, находившиеся в Караганде, прошло 152 испанца. 14 из них умерли, а 138 вернулись на родину в 1954 году на борту судна «Семирамис». Повторим, большая их часть была дивизионерами.

То есть те, кому сегодня отдают дань как жертвам репрессий, на самом деле были военными преступниками, отбывавшими наказание. И подчеркнём — благополучно вернувшись на родину.

Среди инициаторов установки памятника умершим в лагере испанцам, помимо Братства «Голубой дивизии», были и левые организации. За помощью к властям Казахстана обратилась испанская ассоциация «Архив гражданской войны и изгнания» и организация «Ностальгия», объединяющая «детей войны», вернувшихся в Испанию. Активное участие в поиске испанцев, оказавшихся в заключении в СССР, приняла испанская левая газета «Эль Паис». Газета поручила провести расследование своему журналисту Пилар Бонет, а также исследовательнице Хосефине Итурраран, приехавшей в СССР в 1937 году в числе детей, отправленных родителями для спасения от гибели в Гражданской войне. Часть информации П. Бонет и Х. Итурраран получили

у Братства «Голубой дивизии», другую часть взяли из базы Российского государственного военного архива.

Работа по изучению архивов, выяснению точного числа находившихся в СССР испанцев и их судеб — безусловно, очень важна и нужна. Но почему же кампания по поиску испанцев и по установке памятного знака стала органической частью «примиренческой» кампании Братства?

В октябре 2013 года в «Эль Паис» вышла статья. Автор — Альба Тобелья — напомнил о том, что *«в 1992 году российские власти признали, что многие испанцы из числа республиканцев оказались в сталинских концлагерях»*. По его мнению, *«общее стремление вернуться в Испанию преодолевало всякие идеологические разногласия»*. Речь идёт о разногласиях между республиканцами и франкистами, оказавшимися вместе в заключении.

В 2014 году вышел совместный испано-казахский фильм «Забывшие в Караганде».

Основная идея фильма — в лагере бывшие враги, республиканцы и франкисты, примирились, так как их главной целью было выжить в нечеловеческих условиях. Интересно, что идея «примирения», многократно повторяемая в закадровом тексте, почти не представлена в приведённых в фильме интервью. Родственники заключённых и сами бывшие заключённые вспоминают сложности лагерной жизни, но с уважением говорят об СССР и не подчёркивают особой дружественности к противоположной стороне.

Создатель фильма Энрике Гаспар Родригес в интервью испанскому информагентству EFE рассказал, что его интересовал вопрос о том, как уживались в лагере республиканцы и франкисты. По его словам, проведя опросы бывших заключённых испанцев, принадлежавших к противоборствовавшим сторонам, он понял, что меньше всего их волновал вопрос разных идеологий. Сделаем оговорку, что если под опросами

имеются в виду интервью, приведённые в фильме, то режиссёр очень тенденциозно трактует собранный материал.

Фильм «Забытые в Караганде» получил международные призы, в том числе, приз за лучший документальный фильм на кинофестивале в Калифорнии в 2014 году.

31 мая 2015 года на открытии памятного знака в Казахстане присутствовали родственники членов «Голубой дивизии», вице-президент Братства «Голубой дивизии» Альфонсо Руис Кастро и Долорес Кабра — руководитель ассоциации «Архив гражданской войны и изгнания». Главная идея, озвученная во всех репортажах об открытии памятника, главное, на чем делали акцент родственники «репрессированных», — памятник установлен в честь ВСЕХ испанцев, независимо от их политических взглядов.

Посол Испании в Казахстане Мануэль Ларротча, комментируя открытие памятника, также всячески подчёркивал, что главное — это толерант-

ность и примирение, что нужно вспомнить всех испанцев без исключения, прошедших через лагерь.

В публикациях «Эль Паис», посвящённых возведению памятника, настойчиво подчёркивалось, что сталинский режим одинаково жестоко обращался как с франкистами, так и с республиканцами.

В одном из сюжетов об открытии памятника приведены интервью родственников. Так, дочь республиканца рассказывает, что её отец, встретив в лагере испанца и услышав, что тот из «Голубой дивизии», воскликнул: «Да хоть из зелёной, главное — мы можем поговорить по-испански!» То есть утверждается, что самое главное — это не политические взгляды, а принадлежность к одной нации.

Сложно объяснить, чем руководствуются испанские левые, принимая участие в подобных мероприятиях и занимая «примиренческую» позицию. Хорошо известны свидетельства, соглас-

но которым попавшие в плен и в исправительные лагеря республиканцы, обнаружив рядом с собой своих идеологических антагонистов — франкистов и нацистов, проявляли по отношению к ним негодование и вовсе не стремились вступить с ними в контакт.

По воспоминаниям члена «Голубой дивизии» капитана Теодора Паласиоса, встреча воевавших по разные стороны испанцев происходила так: *«Мы увидели, как на территорию лагеря вошла большая группа заключённых. Они были измождены, всё указывало на то, что они перенесли множество страданий... Каково же было наше изумление, когда мы услышали, что они говорят по-испански! Кастильо (Castillo), раскинув руки, в качестве приветствия выкрикнул изо всей силы «Да здравствует Испания!», но ответом было молчание. Они посмотрели на нас с любопытством, опустили глаза и продолжили свой путь».*

О Паласиосе можно добавить следующий

факт: в апреле 1953 года был составлен список осуждённых военнопленных и интернированных граждан Испании, которым был сокращён срок заключения. В этом списке значится и имя Паласиоса, со следующей характеристикой: *«Находясь в лагере для в/п в 1943–1948 гг., являлся организатором нарушений внутрилагерного режима, невыполнения приказаний командования лагеря; угрожал расправой испанцам-антифашистам из числа в/п и призывал организовывать саботаж».*

В снятых испанской стороной сюжетах и фильмах ничего не сказано об упомянутых в отчёте антифашистах. Между тем, известно, что часть военнопленных из рядов «Голубой дивизии» изменила свои взгляды. Кто-то из заключённых был освобождён и остался жить в СССР. Вот что говорит один из солдат «Голубой дивизии», Кано, о лечении военнопленных: *«Мой отец богатый, но он не позволил бы отпустить без платы такие ценные медикаменты даже своему соседу».*

испанцу, не говоря о том, чтобы отдать их своему бывшему врагу». Только в череповецком лагере, где был заключён Кано, к 1948 году 90% заключённых военнопленных перешли на антифашистские позиции. Хотя, конечно, надо иметь в виду, что часть тех, кто заявил о раскаянии, мог действовать не по убеждению, а из практических соображений.

Мотивы действий представителей Национального Братства «Голубой дивизии», говорящих об ужасах коммунистической диктатуры и о том, что республиканцы и солдаты «Голубой дивизии» примирились в заключении, — понятны. Для Братства «примирение» — это тактический ход по завоеванию прочных позиций в Испании, возможность выйти на международную арену и, конечно, продолжение войны с коммунизмом, желание поквитаться с историческим врагом — Россией.

Прямо эту цель изложил присутствовавший на открытии монумента эстонским воинам (мо-

нумент был открыт в то же время, что и монумент испанцам) бывший президент Эстонии Арнольд Рюйтель. Он заявил, что хотя СССР уже не существует, Россия продолжает скрывать историю ГУЛАГа и отказывается принести извинения другим нациям и народам. Новизна заключается в том, что от России ждут не просто извинений за ГУЛАГ. От России ждут извинений, в том числе, за помещение в исправительные лагеря военнопленных фашистов!

Официальной реакции России на происходящее нет. А члены Братства «Голубой дивизии», между тем, нашли в нашей стране поддержку. Об этом — в следующей статье.

Мария Рыжова

Диффузные сепаратистские войны

О новом этапе войны России с международным терроризмом

Существует реальная опасность того, что в случае конфликтного развития российско-турецких отношений Анкара не только активно поспособствует переправке боевиков из Сирии в Россию, но и задействует свою исламистскую «пятую колонну» в Крыму, Поволжье, на Северном Кавказе

На протяжении осени 2015 года мы наблюдаем активизацию международных сил, которые

используют радикальный ислам для политической дестабилизации и разрушения России. Одна из причин такой активизации — попытка сорвать формирование реальной антитеррористической коалиции.

Ведь какой процесс начался в результате успешной операции российских Воздушно-космических сил в Сирии против боевиков (запрещённого в РФ) «Исламского государства»? А также после теракта, произошедшего 31 октября в Египте на борту пассажирского самолёта с гражданами России, и террористических атак, которым подвергся Париж 13 ноября?

Начался переговорный процесс о создании широкой антитеррористической коалиции при участии России и европейских государств. Так, о присоединении к военной операции против «Исламского государства» в Сирии заявили Франция, Великобритания и Германия. Более того, в очередной раз со стороны некоторых крупных западных политиков и бизнесменов про-

звучали призывы отменить санкции против России, как надёжного союзника в борьбе с терроризмом. (Напомним: санкции введены в связи с присоединением Крыма к России по результатам крымского референдума, прошедшего весной 2014 года.)

В ответ на такое начало конструктивного российско-западного диалога киевская хунта и её зарубежные кураторы, на протяжении многих лет опекающие и использующие радикальный ислам, организовали против нашей страны две крупные провокации.

Провокация № 1 — энергетическая блокада Крыма.

Как мы уже писали ранее, с 20 сентября 2015 года находящиеся на территории Украины лидеры Меджлиса крымско-татарского народа М. Джемилев и Р. Чубаров, совместно с исламистами из карательного батальона «Крым» и боевиками (запрещённого в России) «Правого сектора», организовали продовольственную блока-

ду Крыма.

Ровно через два месяца, 20 ноября на территории Херсонской области радикалами было подорвано несколько опор высоковольтной линии электропередачи (ЛЭП), в результате чего было нарушено энергоснабжение Крымского полуострова.

Данная диверсия, осуществлённая при участии боевиков добровольческих батальонов «Азов», «Правый сектор» и «Донбасс», чуть не обернулась широкомасштабной катастрофой для самой Украины. Ибо были повреждены ЛЭП, которые обеспечивают электроэнергией районы Херсонской области, а также поддерживают работу двух атомных электростанций.

Как утверждают специалисты, *«эти события привели к необходимости дополнительно аварийного отключения от электрической сети двух блоков на тепловых электростанциях — Приднепровской и Углегорской — и аварийной разгрузке атомных электростанций Украи-*

ны на 500 МВт. Это Запорожская АЭС и Южно-украинская. ...Такие аварийные разгрузки АЭС — это очень опасно».

Эта опасная ситуация была создана при попустительстве киевской хунты, которая не смогла организовать ни охрану, ни быстрый ремонт и восстановление ЛЭП. Более того, исламисты совместно с ультрарадикалами не допускали ремонтные бригады на места взрывов, требуя от властей полной торговой и энергетической блокады Крыма.

В результате Киев оказался «между двух огней».

С одной стороны, существует веская экономическая причина, по которой власти заинтересованы в возобновлении электроснабжения полуострова. Ибо Россия в ответ на диверсию прекратила поставки на Украину донбасского угля, который необходим для работы четырнадцати теплоэлектростанций.

С другой стороны, акции лидеров Меджли-

са по блокаде Крыма были санкционированы и спонсированы покровителями киевской хунты — США и Турцией. И Порошенко, разыгрывающий против России крымско-татарскую «политическую карту», заявил, что блокада необходима для *«скорейшего возобновления государственного суверенитета над Крымом»*. При этом он пытался договориться с М. Джемилевым и Р. Чубаровым о некоем компромиссном варианте.

23 ноября киевская хунта приняла уже давно готовившееся решение о запрете грузовых перевозок в Крым через границу Украины. И сразу премьер Яценюк предложил созвать Совет национальной безопасности и обороны (СНБО) для выработки дальнейших мер *«относительно борьбы с российскими оккупантами, которые захватили территорию Автономной республики Крым»*.

Для того, чтобы понять, что может стоять за этими заявлениями, и на какие ещё диверсии против нашей страны способен Киев и его союз-

ники, необходимо рассмотреть инцидент с уничтожением турецкими ВВС российского самолёта, якобы нарушившего границу Турции (**это — провокация № 2**).

24 ноября турецким истребителем F-16 был сбит наш бомбардировщик Су-24, возвращавшийся после боевого задания на сирийскую авиабазу. Многое говорит о том, что это была заранее спланированная провокация. Российский самолёт летел над территорией Сирии, с лётчиками никто не пытался связаться, видеосъёмка данного инцидента сделана так, как будто к ней заранее готовились. Экипаж катапультировался, но один пилот погиб в результате обстрела со стороны боевиков. Второго лётчика удалось спасти.

На данную провокацию сразу отреагировали киевские власти.

В этот же день секретарь СНБО А. Турчинов заявил, что «в случае нарушения воздушного пространства Украины военными самолётами, украинские военные должны действовать

аналогично, защищая нашу страну от агрессии с воздуха». Тему незамедлительно подхватили украинские военные, которые стали обсуждать, что «удар может быть нанесён с территории Крыма, где сформирована сильная авиационная группировка».

Вслед за этими обсуждениями последовали и конкретные договорённости.

26 ноября пресс-служба государственного оборонного концерна «Укроборонпром» сообщила о том, что *«Украина и Турция договорились о сотрудничестве для усиления безопасности и защиты в акватории Чёрного моря. Это направление будет одним из ключевых аспектов сотрудничества между странами».*

Эксперты обращают внимание на то, что концерн «Укроборонпром» уже фигурировал в теневых оружейных контрактах. В этих контрактах данный концерн с помощью посредников обеспечивал вооружение радикальных исламистских группировок. Это позволяет поставить ребром

вопрос о реальном содержании договора «о сотрудничестве для усиления безопасности» между Украиной и Турцией. О каком усилении безопасности идёт речь? Кто собирается нарушать эту самую безопасность? Россия очевидным образом не собирается нападать ни на Украину (захотела бы — давно бы напала), ни на Турцию (одну из стран НАТО).

Напротив, Турция уже осуществила микронападение на Россию. Именно в связи с таким характером действий турецких ВВС эти действия не получили поддержки ряда союзников Турции по НАТО.

Так не планируют ли теперь Турция и Украина совместные, обеспеченные вышеназванным договором, антироссийские микронападения (они же — макропровокации)? Киевская хунта может пойти на подобное, только если это понадобится её зарубежным кураторам. То же самое касается Турции.

Подчеркнём, что Турция занимает важное ме-

сто в подобной антироссийской игре. И как страна с самой большой крымско-татарской диаспорой, плотно взаимодействующая с радикалами из Меджлиса. И как союзник, куратор и спонсор целого ряда исламистских группировок, угрожающих территориальной целостности России.

А пока Киев осуществляет наглые антироссийские акции с помощью неких исламистских инструментов. Именно таким образом организуется сейчас блокада Крыма. При этом используемые Киевом исламистские радикалы уже говорят о *«необходимости подготовки военизированной группы Меджлиса для провоцирования вооружённого конфликта в Крыму»*, а также о *«подрыве подводного энергокабеля»*, который в декабре 2015 года уже должны протянуть из Краснодарского края на полуостров.

И здесь важно отметить, что лидеры Меджлиса, тесно взаимодействующие на Украине с ультрарадикалами из карательных батальонов и исламистами, воевавшими в рядах ИГ, имеют для

реализации своих планов некоторые возможности. Это касается, например, участия в вербовке боевиков для террористических организаций и в торговле оружием.

Так, 22 ноября вице-премьер Крыма Р. Бальбек заявил, что лидеры Меджлиса могут быть причастны, в качестве посредников, к поставкам оружия боевикам ИГ с территории Украины. По утверждению вице-премьера, *«Джемилев неоднократно публично заявлял, что в Турции встречался с исламскими радикалами, которые воюют против правительственных войск в Сирии. Всё это подтверждает, что Джемилев на Украине является проводником интересов ИГИЛ».*

Провокация турецких ВВС против российского бомбардировщика Су-24 и последовавшее за этим серьёзное осложнение отношений между двумя государствами может спровоцировать ещё один угрожающий безопасности России процесс. Речь идёт об активизации в Повол-

жье и других российских регионах исламистских групп, тесно связанных с Турцией.

Напомним, что с начала 1990-х годов Турция активно развивала сотрудничество с Татарстаном в религиозной сфере. И в рамках этих контактов на территорию России проникли несколько исламистских организаций.

Например, движение турецкого проповедника Фетхуллага Гюлена «Фетхуллахчулар», которое является ответвлением другой радикальной организации — «Нурджулар». В 2008 году обе организации были признаны экстремистскими и запрещены в РФ, но до этого они развили бурную деятельность по созданию образовательных религиозных учреждений.

К 2001 году турецкие лицеи уже функционировали в Татарстане, Башкирии, Чувашии, Бурятии, на Северном Кавказе, в Москве и Санкт-Петербурге. Кроме этого, «гюленисты» образовали в российских регионах турецкие культурные или научные центры, где вели свою агитационно-

пропагандистскую деятельность, распространяли турецкое влияние. К 2008 году многие такие пропагандистские центры и лицеи были закрыты, а турецкие учителя депортированы.

Однако, по утверждению экспертов, «гюленизм» по-прежнему популярен среди части татарской интеллигенции.

Другой пример связан с распространением в России радикальной исламской организации «Сулейманджи». Сторонники «Сулейманджи» выступают за создание «великой Турции», *«распространяющей своё влияние на регионы Черноморского побережья России, Крым, Восточную Украину, Среднюю Азию, Кавказ и Поволжье»*. В мире существуют порядка 2 тысяч учебных заведений, принадлежащих «Сулейманджи».

Несмотря на запрет этой организации в России, в ноябре 2015 года правоохранные органы обнаружили в Дагестане медресе, являвшееся учебным заведением неправительственно-

го религиозного фонда «Сулейманджи». В медресе были обнаружены запрещённая литература, видеоматериалами с призывами к «джихаду» от членов (запрещённых в РФ) террористических организаций ИГ и «Имарат Кавказ», взрывные устройства и оружие.

Таким образом, существует реальная опасность того, что в случае конфликтного развития российско-турецких отношений Анкара не только активно поспособствует переправке боевиков из Сирии в Россию, но и задействует свою исламистскую «пятую колонну» в Крыму, Поволжье, на Северном Кавказе.

Нам нужно заранее подготовиться к тому, чтобы дать отпор такому развороту событий.

Эдуард Крюков

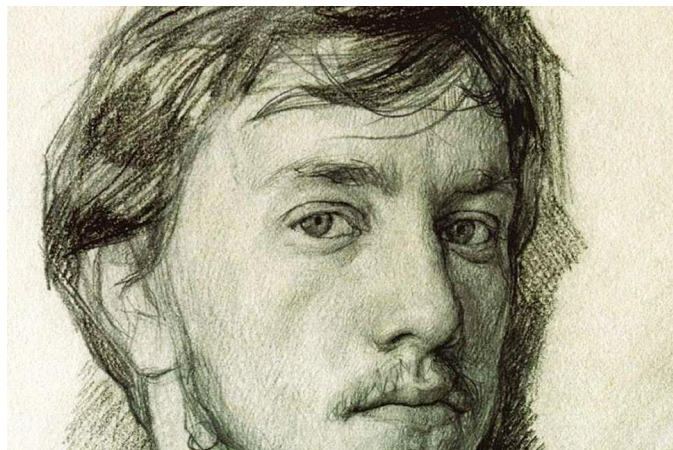
Культурная война

Десоветизация живописи. Часть II

Родовой дворянин Поленов — несомненный противник самодержавия, вообще считал, что «коммуна есть самое рациональное рабочее учреждение, и, пока до неё не дойдут, ничего общего и стройного не будет, поэтому *vive la commune!*»

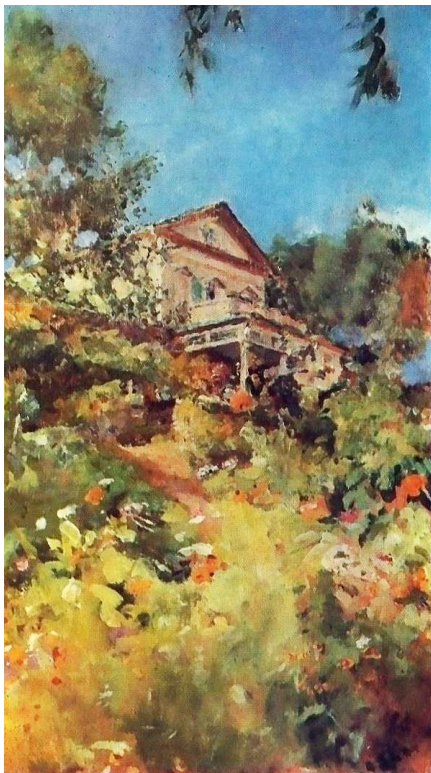
В. Серов. Девочка с персиками. 1887 г.

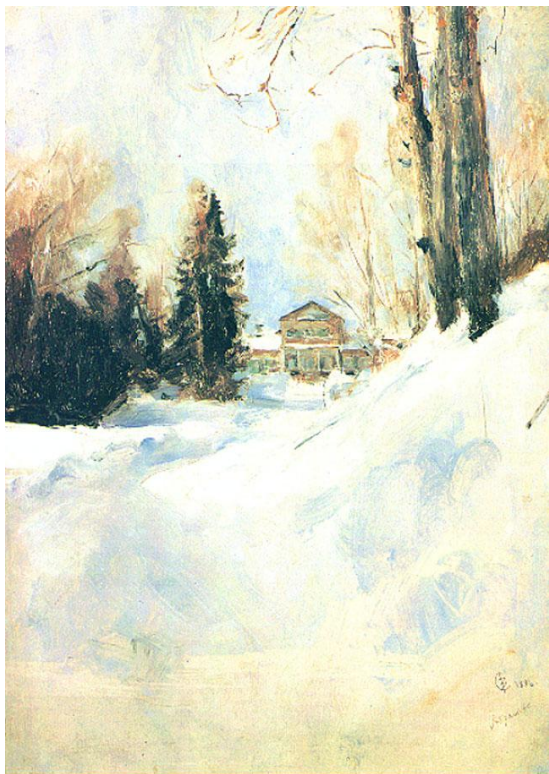
В. Серов. Автопортрет (фрагмент). 1885 г.

Вера Мамонтова и крестьянские дети.
Фото 1880-х

В. Серов. Дом в Абрамцеве. 1886 г.

В. Серов. Зима в Абрамцеве

Мне хотелось бы обратить внимание читателей на некоторые из этапов, моментов и аспектов становления личности Валентина Серова и его биографии — важных, но практически не входящих в поле зрения посетителей выставки Серова на Крымском валу.

Когда 22 ноября 1911 года 46-летний Валентин Александрович Серов скончался от сердечного приступа, не выдержав огромной нервной нагрузки и тяжёлых впечатлений последних лет своей жизни (он писал: *«У меня от всего болит душа»*), его смерть была воспринята знавшими и любившими его творчество как утрата не только великого мастера, но и, прежде всего, масштабной, цельной личности, на редкость правдивого человека и гражданина.

Его сравнивали с Л. Толстым, А. Чеховым, даже Пушкиным (К. Петров-Водкин). Его близкий товарищ К. Коровин писал: *«В нём был не столько художник, как ни велик он был в искусстве, сколько искатель истины»*.

Как «ужасную трагедию» восприняли смерть В. Серова Ф. Шаляпин и М. Горький, которого «прямо опрокинула» весть о кончине художника. В. Маяковский над открытой могилой Серова говорил от имени учеников Московского училища живописи, ваяния и зодчества (где 12 лет преподавал Серов), что «лучшая память о покойном — следовать его заветам». А. Белый писал в статье «Памяти художника-моралиста» о Серове как «эпохальном художнике», «стоявшем перед нами — как путь самой жизни». А переживший младшего друга и в какой-то степени ученика художник В. Поленов (в 1926 году ставший одним из первых народных художников РСФСР) писал в первые годы советской власти В. Ленину о необходимости установления памятника Серову (как и И. Левитану и А. П. Чехову) как «более других сделавшему для дела подлинно демократической культуры» (черновик письма хранится в Отделе рукописей Третьяковской галереи).

В чём же состояла особая значительность, гражданственность и служение **высшей правде** Серова? Каковы ключи к «монолитности» и обаянию его личности, природа того огромного авторитета, которым он пользовался у художников предреволюционного и советского периодов независимо от стилей и направлений? Конечно, вполне постичь это можно, только подробно изучив его художественное наследие и документальные свидетельства о его короткой, но необыкновенно плодотворной жизни. Они, слава богу, опубликованы и объективно откомментированы в обширной литературе, вплоть до отдельного подробного исследования В. Лапшина — книги «Валентин Серов. Последний год жизни» (1995 год).

Но и краткого, чуткого и интеллектуально честного взгляда на его творческий путь и наиболее близкую ему среду — достаточно, чтобы если и не вполне понять, то приблизиться к Серову, осознать главные направления его постижения,

то, о чём один из близких художнику людей говорил: *«Кто не знал Серова, тот может остаться худшего мнения о людях».*

Словно сама судьба изначально готовила Валентина Александровича Серова к его особому месту и миссии в искусстве, с первых лет жизни подключив его к основным энергиям русской культуры XIX века. Как писал Репин, *«круг, где Серову посчастливилось с детства вращаться, обладал исключительной огромной просвещённостью... то значение, какое имел для искусства его отец, и та среда, где жила его мать, — всё способствовало выработке в нём безупречного вкуса... с колыбели... бессознательно и глубоко сидело в его мозгу и светилось оттуда вещью мыслью».*

Его отец, Александр Николаевич Серов — знаменитый композитор и лучший музыкальный критик своего времени, был в своё время соратником М. Глинки и стремился высоко нести пушкинские традиции русской культуры, как никто

понимал и анализировал музыку Моцарта, был личным другом и первым пропагандистом Р. Вагнера в России.

Выдающийся личностью была и мать Серова — Валентина Семёновна (урождённая Бергман). Будучи моложе мужа на 26 лет, она стала первой в России женщиной — профессиональным композитором и критиком, при этом приняв всей душой идеи «святых 60-х годов», и не покладая сил всю долгую жизнь трудилась на ниве народного просвещения и облегчения участи русского крестьянства.

Первые яркие впечатления будущего живописца были связаны с атмосферой «просветительных вечеров» петербургского дома Серовых, где встречались лучшие музыканты, литераторы, художники, актёры и друзья Валентины Семёновны — молодые люди, не только исповадовавшие «великодушные идеи» 60-х годов, но и стремившиеся приблизить светлое будущее и на практике (среди них бывала и Софья Перовская).

А после ранней смерти отца Серову довелось целый год (1871–1872) прожить **в первой русской трудовой коммуне**, возглавлявшейся княжной Друцкой-Соколинской — близкой подругой его матери, уехавшей завершать музыкальное образование в Мюнхен.

В важнейшем источнике — биографии В. Серова, частично написанной ещё при его жизни **«под его диктовку»** книге И. Грабаря (М., 1914) говорится о том времени, когда *«все, от мала до велика, зачитывались знаменитым «Что делать?» Н. Чернышевского. Но между тем как ...большинство смотрело на эту смелую проповедь коммунизма, как на увлекательный роман, ...нашлись люди, наделённые такой волей, такой правдивостью чувств и искренностью порывов и такой верой въидею, что они не остановились перед перспективой осуществить идеалы «Что делать?» в действительности. <...> поселились на хуторе <...> в Смоленской губернии и зажили «по-новому».*

Известно, что особенно близким Серову среди членов этой общины стал бывший гарибальдиец и участник Парижской коммуны А. Фронштейн, а младшей подругой и «воспитанницей» — крестьянская девочка, «также взятая в коммуну, чтобы выработать из неё тип совершенного человека».

Именно там, в коммуне, пробудилась в Серове особая любовь к русской деревне и проявился художественный дар. Так, до конца своих дней он обожал изображать сельских лошадок: даже последней работой, выставленной при его жизни, была картина с изображением коней под усыпанным крупными звёздами бездонным ночным небом «Осенняя ночь. У крыльца усадьбы» (1909, Нижегородский художественный музей; на выставке отсутствует).

А в 1872 году, после распада (по мнению некоторых историков — «разгрома») коммуны, её руководительница отвезла Валентина за границу, к матери. Дальнейшее становление Серова

проходило в сложных, но благоприятных для его развития условиях и было полно самых различных художественных и социальных впечатлений.

Около двух лет они с матерью провели в Германии, где Серов брал уроки у художника Кёппена и знакомился с музеями, а в 1874 году мать перевезла Валентина в Париж, где его учителем стал и прежде знакомый им И. Репин, только недавно написавший картину «Бурлаки на Волге» (1873) и приехавший во Францию после окончания Академии.

Тогда же произошло знакомство Серовых с художником В. Поленовым и промышленником и любителем искусства С. Мамонтовым, пригласившим их на лето 1875 года в своё подмосковное имение Абрамцево.

В 1876–1877 годах важную роль в воспитании Валентина играл ставший мужем Серовой бывший репетитор детей Мамонтовых — студент медицинского факультета Киевского университета Василий Немчинов, с которым они жили то на ху-

торе под Харьковом, то в Киеве, где Серов посещал школу рисования А. Мурашко. Но в 1878 году Немчинов, связанный с революционной организацией «Земля и воля», был выслан из Киева в село, где ему пришлось руководить борьбой с эпидемией дифтерита. Немчинов умер в 1882 году. Мать Серова вместе с Валентином, его братом и сестрой, появившимися за это время, побывав в Москве, уехала в коммуну, организованную писательницей и педагогом М. Быковой в деревне Сябренницы (Новгородской губ.), оставив старшего сына на попечение И. Репина.

В дальнейшем Серов и его мать виделись, а тем более жили вместе не так уж часто. Обладая неуёмно кипучей натурой (о которой можно судить и по картине Репина «Царевна Софья», написанной по этюду с Валентины Семёновны), мать Серова не только много занималась музыкальным творчеством, написав ряд опер, и издавала сочинения покойного мужа, но и постоянно занималась созданием народных хоров и сель-

ских «консерваторий», спасала крестьян от голода и пр., при этом находясь под постоянным полицейским надзором.

В 1906 году некий полицейский исправник писал о ней, как об «известной революционной двигательнице». К несчастью, в 1907 году её поразил инсульт после получения известия, что лучших певцов её народного хора за участие в событиях 1905 года сослали в Туруханский край.

И хотя Серов с матерью виделись редко, а художественные устремления Серова лежали в иной плоскости, нежели прямая общественная деятельность, он считал, что очень многим обязан матери, и именно *«своей энергией и настойчивостью она <...> содействовала выработке в нём прямого правдивого характера»*.

В конце 1870-х годов, став «членом семьи» великого реалиста-передвижника, которого он и впоследствии ценил как «несравненного художника жизни», Серов учился, работая рядом с Репиным во время написания им картин

«Крестный ход в Курской губернии» и «Запорожцы», и в поездке по Украине, восхищая наставника соединением жизнерадостности и серьёзности. А также способностью одинаково живо запечатлеть на бумаге и холсте и просторы южнорусских степей, и драматические типажи из народа («Горбун»), и сценки из московского быта.

В 1880–1885 годы Серов учился в Петербургской Академии художеств, где прошёл строгую школу рисунка и живописи под руководством П. Чистякова — лучшего знатока и своеобразного философа художественной формы в России, подружившись во время учёбы с М. Врубелем. Но в целом он был недоволен рутинным характером тогдашней Академии и, не окончив курса, продолжил совершенствование в живописи, совершив для этого поездку по музеям Западной Европы и углублённо изучая искусство старых мастеров.

Начало же подлинно самостоятельного, новаторского творчества Серова было связано с пре-

быванием в двух замечательных культурных очагах России того времени — усадьбах Абрамцево и Домотканово, где он создал свои первые шедевры — картины «Девочка с персиками» (Портрет Веры Мамонтовой, 1887) и «Девушка, освещённая солнцем» (Портрет Марии Симонович, двоюродной сестры Серова, 1888). За этими, словно излучающими чувство счастья и доверия к жизни, напоёнными светом и воздухом полотнами не случайно закрепились «картинные» названия. Они воспринимались современниками (да и были созданы) как живописно совершенное выражение чувства единства чистого, искреннего человека и прекрасной природы, веры в радость жизни «прежде логики». Усвоив мастерство учителей-реалистов, Серов в то же время сообщил и изображённым девушкам, и пространству, и самой живописной поверхности картин новую меру «очеловеченности» и радужного многоцветия, роднящего его открытия с искусством французских импрессионистов — живо-

писцев Солнца и «счастливых мгновений».

Были созданы художником во второй половине 1880-х годов и другие работы, проникнутые жаждой «отрадного» (слово Серова) и «солнцепоклонничеством», присущим ему в то время. Кроме замечательных портретов и пейзажей, он исполнил в 1887 году великолепное «античное» панно — «Феб лучезарный» (на выставке отсутствует).

Конечно, подобные, исполненные любви к жизни, безмятежно просветлённые работы могли появиться лишь в среде, где художнику легко дышалось и верилось, которая питала лучшие человеческие стремления и надежды. И это действительно было так.

Среди «сумерек» общественной жизни России 1880-х годов Абрамцево с его «свободным и живительным воздухом» (выражение прежнего владельца усадьбы — писателя С. Аксакова) представляло собой удивительный «оазис» свободного творчества и сыграло огромную роль

в развитии отечественной культуры того времени.

Талантливейшие художники-передвижники (И. Репин, В. Васнецов, В. Поленов), а затем и молодёжь (В. Серов, К. Коровин, М. Врубель, М. Нестеров, И. Остроухов и др.), известные артисты и музыканты (К. Станиславский, Ф. Шаляпин) нашли в лице семьи Мамонтовых не только бескорыстных ценителей и покровителей искусства, но и подлинных друзей, сумевших поддерживать высокий тонус человечности и поклонения живому русскому слову, одушевлённых сердечным отношением людей друг к другу и к природе. Здесь устраивали литературные чтения и ставили драматические и музыкальные спектакли, поклонялись античности, мастерам Ренессанса, А. Пушкину и Л. Толстому, глубоко интересовались далёким прошлым родины, собирали произведения крестьянского искусства и стремились возродить народные художественные ремёсла.

В Абрамцеве на смену холодной и казённой имитации древнерусской архитектуры пришло подлинное чувство её соприродности, органики. Словом, именно в Абрамцеве начался тот «великий поход за красотой из мелочей будничного» (А. Луначарский), которым отмечен в истории русского искусства конец XIX века.

«Служенье красоте», противопоставляемое *«сердечной остуде»* современной цивилизации (слова из особо любимой «абрамцевцами» *«Снегурочки»* А. Островского), не имело ничего общего с чувственно-наслажденческой, чисто внешней красотой салонной живописи и не мыслилось без верности правде. В. Васнецов писал: *«Истина, добро, красота — необходимая и существенная пища человека, без них изведётся человек, сгинет!»*

При этом, хотя члены мамонтовского сообщества, стремясь создавать искусство, дающее людям радость, казалось бы, были далеки от политики, они отнюдь не были безразличны

к проблемам социального устройства своей страны. Так, все симпатии Репина были на стороне революционеров-народников и парижских коммунаров. А родовой дворянин Поленов — несомненный противник самодержавия — вообще считал, что **«коммуна есть самое рациональное рабочее учреждение, и, пока до неё не дойдут, ничего общего и стройного не будет, поэтому *vive la commune*»**. В год написания первого варианта знаменитого «Московского дворика» (1876 год) он работал и над картиной «Заседание Интернационала».

Сам же Савва Мамонтов, один из энергичнейших предпринимателей России своего времени (он построил, в частности, Ярославскую и Донецкую железные дороги), был всесторонне одарённым человеком, разительно отличаясь от большинства русских капиталистов. Испове­дуя, по словам его сына, «особый культ» декабристов и, несомненно, симпатизируя «левым», он не мыслил себе полноценного развития стра-

ны без поклонения природе и искусству, пробуждения творческих сил народа и всячески заботился об улучшении быта и о художественном образовании крестьян. В широком европейском контексте его стремления наиболее перекликались с идеями и делами социалиста Д. Рескина и коммуниста Уильяма Морриса. И не случайно, раздражая своими «мечтаниями» «братьев по классу», он стал в конце 1890-х годов жертвой интриг. Был арестован по ложному обвинению в растратах и, несмотря на то, что его оправдали, — разорён.

Много сил отдавала народным нуждам и жена Мамонтова, Елизавета Григорьевна, — «душа Абрамцева», которую особенно любил Серов, считавший её своей второй матерью. Её стараниями были открыты лечебница для населения ближайших деревень и бесплатная школа, где крестьянские дети (с которыми дружили дети Мамонтовых, в том числе Вера — «Девочка с персиками») учились грамоте и ремёслам, по окон-

чании вступая в столярно-резчицкую артель, возглавлявшуюся сестрой Поленова, Еленой Дмитриевной.

Своего рода артель (или коммуну) в лучшие годы напоминало и само Абрамцевское содружество художников, абсолютно лишённое признаков «элитарности» и с раннего детства ненавистного Серову барства. «Корифеи» и молодёжь здесь совместно обсуждали проекты зданий, писали декорации и сами играли в спектаклях, работали в столярной и керамической мастерских, наслаждались красотой окрестных лесов и полей, а порой и с неистощимой выдумкой предавались весёлым развлечениям.

И именно Серов, при всей присущей ему молчаливости принимавший самое активное участие в жизни содружества (удивляя своей артистичностью и способностью «перевоплощения», в том числе, в любимых зверей и птиц), по всеобщему признанию, как никто другой в своих работах не только передавал личные переживания,

но и фокусировал светлую энергию «настрое- ний», витавших тогда в Абрамцеве. Не случай- но православный М. Нестеров, в 1889–90 го- дах работавший в окрестностях Абрамцева над картиной «Видение отроку Варфоломею», уже на исходе дней, в конце 1930-х годов, посещал Третьяковскую галерею только для того, чтобы вновь увидеть «языческую» «Девочку с персика- ми» и «подзарядиться» от неё живой энергией, вспоминая времена, когда «абрамцевцы», пол- ные молодых сил, стремились создавать работы, которые волновали бы «своим чувством, выво- дили из состояния „сытого буржуа“» (М. Несте- ров), возводя их на высоту лучших исканий и устремлений, доступных человеку.

(Продолжение следует.)

Владимир Петров